

НОВАЯ ПОЛЬША 7-8/2004

Содержание

1. ПАМЯТИ ЯЦЕКА КУРОНЯ
2. ОДОЛЕТЬ КОЛДУНА
3. ДАЖЕ В БОЛЬНИЦЕ КУРОНЬ ИСПРАВЛЯЕТ МИР
4. ФАКТОР КУРОНЯ
5. РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ ЯЦЕКА КУРОНЯ
6. ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ
7. РАБОТА НА ДЕМАГОГА
8. СТИХИ
9. ТРЕТЬИ СТИХИ
10. ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ
11. ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

ПАМЯТИ ЯЦЕКА КУРОНЯ

Когда-то имя Яцека Куроня было для меня легендой. Еще в середине 60-х я услышала по западному радио изложение "Открытого письма к партии" Яцека Куроня и Кароля Модзелевского (позже мне удалось и прочесть его). Письмо, написанное с левокоммунистических позиций, поражало своей крайне резкой критикой режима ПНР и власти Польской объединенной рабочей партии. Ну а левацкие позиции никого не смущали: сколько мы видели и в нашей стране людей, становившихся антисоветчиками через поиски "истинного марксизма" или "неизвращенного ленинизма". И Яцек, и Кароль оказались тогда в тюрьме, но к марту 68-го, к тому времени, когда в Польше развернулись бурные студенческие волнения, оба они были на свободе, и Яцек стал одним из лидеров студенческих протестов. И снова приговор к трем годам тюрьмы.

В 75-м году Яцек стал одним из инициаторов открытого письма представителей польской интеллигенции в Сейм – против поправок к польской конституции, вводивших в Основной закон руководящую роль партии и нерушимую дружбу с Советским Союзом. В 76-м, после жестокого подавления рабочих демонстраций в Радоме, Урсусе и других польских городах, Яцек был среди учредителей Комитета защиты рабочих – КОРа, через год, когда большинство арестованных рабочих были выпущены, преобразованного в Комитет общественной самозащиты КОР – тот самый КОС-КОР, которым советская пропаганда так долго запугивала советских читателей.

КОР положил в Польше начало широкому движению за права человека и одновременно польскому самиздату – и в обоих Яцек Куронь принимал самое активное участие. Ему принадлежал знаменитый лозунг: "Не жечь комитеты – учреждать комитеты", то есть не жечь партийные, а учреждать свои, независимые.

В это время я была уже в эмиграции и перевела для "Континента" первый номер "Информационного бюллетеня" КОРа (целиком) под заголовком "Первый номер польской "Хроники"" – имея в виду, конечно, нашу "Хронику текущих событий". Со второй половины 70-х мы с Яцеком уже были знакомы, но... только по телефону. В частности, когда возникла

идея написать совместное открытое письмо советских и польских правозащитников в защиту арестованных чешских коллег, переговоры и редактирование письма велись через Париж – через меня. В Москву я звонила Татьяне Великановой, в Варшаву – Яцеку Куроню.

Пришел 80-й год, славный август, который поляки до сих пор пишут с заглавной буквы. Но до августа был еще июль, когда забастовки перекидывались по всей Польше из города в город, с завода на завод, пока не завершились начавшейся 1 августа забастовкой на Гданьской судовой верфи, положившей начало практически всеобщей забастовке страны и победившей: бастующие добились создания независимого профсоюзного объединения "Солидарность". Яцек Куронь еще с июля был в центре сбора и распространения информации о забастовочном движении, а после победы "Солидарности" стал советником ее руководящего органа – Всепольской комиссии. По общему признанию, он был автором стратегии "Солидарности" – мирной, но неуклонной борьбы за права трудящихся.

Потом были интернирование после 13 декабря 1981 г., арест, обвинение в "умысле на подрыв существующего строя", суд, приговор, амнистия, подпольная деятельность. Обо всем этом я давала отчет в своей роли обозревателя польских событий в "Русской мысли".

Увидела я его впервые – и единственный раз – в августе 88-го года. Я приехала тогда, чтобы участвовать в Международной конференции прав человека в Кракове. Но приехала за неделю до конференции, 15 августа. Ровно в этот день вспыхнула забастовка опять – таки на Гданьской судовой верфи, а вслед за ней на множестве предприятий по всей стране. "Ты привезла нам забастовки", – сказал мой друг поэт Виктор Ворошильский. Он же вскоре повел меня к Куроню. Яцек сидел на телефоне, вновь, как в 80-м году, получая и передавая сведения о забастовках. "А, Наташа", – приветствовал он меня как старую знакомую, быстро пересказал последние новости. Некоторые я уже знала, и он очень ревниво отнесся к тому, что другие – это были Збигнев и Зофья Ромашевские – успели узнать то, что он узнал, по его мнению, первым. Толком поговорить нам, конечно, не удалось: телефон звонил не переставая. Теперь уже и не удастся.

Но это, может быть, и неважно: Куронь был человеком не разговора, а действия. "Действие" или "Деятельность" – так переводится название его книги, в которой он подвел итоги своего жизненного пути. Как человек действия, активной, а не словесной лишь защиты униженных и оскорбленных останется он в памяти не одних только поляков. Он оставался человеком

действия до последних дней: и в начале 90-х, когда был министром труда и социальной политики, и потом, когда отыскивал конкретные пути помощи людям, ушибленным социально-экономическими преобразованиями в Польше. На смертном одре он дописал свою книгу "Деятельность" и писал новую - "Речь Посполитая моих внуков" о будущей Польше, какой она виделась ему: процветающей и справедливой.

ОДОЛЕТЬ КОЛДУНА

Детство

Мне было тогда, наверно, года четыре или пять. В Большом театре во Львове ставили спектакль «О тех двоих, которые украли луну». В какой-то момент, когда колдун сажал Яцека и Пляцека в мешок, я сорвался с места и, заорав, кинулся на сцену — спасать их. Помню этот парализующий страх и такую неслыханную силу, чтобы преодолеть его. Я кричал, чтобы заглушить в себе этот страх.

Я мчался на сцену. Уже был возле чернокнижника, видел его лицо — кошмар. Орущего, меня вынесли на руках со сцены в фойе, где сидела бабушка. Билетерши утешали меня: с этими мальчиками, мол, все хорошо. Я плакал, отчаянно плакал. Это событие я считаю своим высшим жизненным достижением. Все, что я делал после, — лишь повторение этого.

По стопам деда и отца

Дед мой был в Боевой организации ППС [Польской социалистической партии]. Отец в 1920 г. пошел на фронт добровольцем. Ему тогда было 15 лет, и он нашел друга, который вместо него предстал перед медицинской комиссией. Потом отец участвовал в Силезском восстании. Он был членом ППС, бойцом Армии Крайовой. Я не умею отделить того, что сам видел, от всей легенды, которую они мне передавали. Чувствую себя участником революции 1905 года. Когда впервые в жизни на меня надели наручники, я был растроган.

В Союзе польской молодежи

Мы боролись с хулиганами и стилягами. Однажды я возвращался домой под вечер. На танцплощадке на площади Парижской Коммуны начали вихляться молодые люди. В этот момент выскочила штурмовая группа СПМ, схватила одного из них и потащила в недалеко расположенную контору. Когда я вошел следом за ними, парня били кулаками, ногами — все вместе.

— Стой! — крикнул я. Собственно, не крикнул — вырвалось у меня из горла. Я не сказал им прямо, в чем дело. Указал на окно, через которое легко можно было увидеть, что здесь творится. Один из них погасил свет, раздалось еще несколько ударов. А я

молчал, чертовски долго молчал. Потом снова крикнул перестать. Начал говорить им, что это рабочий. Из носа и разбитой губы у него текла кровь. Они повели с ним педагогический разговор. Потом на танцплощадках били регулярно, а я — всего лишь не приходил туда. Этого я больше всего стыжусь из всего моего комсомольского прошлого.

Гая

В лагере Вальтеровской дружины в Волине я пришел в последнюю палату, где спал третий отряд. Здесь все спали как надо, всё было в порядке, совершенно всё. И вдруг я увидел, что в углу кто-то спит на рюкзаке, скорчившись, с головой, накрытой одеялом. Я подошел — оказалось, что это девушка с косой. Невероятно было, что ничего тут не надо было улучшать, обо всем проявили заботу, а эта девушка спит на рюкзаке. Она, конечно, проснулась, когда я посветил фонариком. В свете фонарика я увидел, какие у нее большие, золотистые глаза. Взял ее за косу и спросил: «Ты чего так спишь?»

Есть что-то такое между людьми, что когда начинается любовь, то прилетает ангел, которого никто в мире не видит, кроме влюбленных. Я ощущал этого ангела, но не набрался храбрости об этом сказать.

Первый приговор

Оттепель теряла разбег. Мы с Каролом Модзелевским сочли, что раз уж невозможно заниматься политикой, надо по крайней мере погибнуть с развернутыми знаменами, чтобы все знали: были все-таки некоторые, что бунтовали. И тогда мы написали членам партийной организации и СМП «Открытое письмо», разъяснявшее наши взгляды. Мы перепечатали его на машинке и 18 марта 1965 г. раздали его тем, кому доверяли, а также отнесли в университетские партийную и комсомольскую организации.

В конце «Открытого письма» мы написали: «За это письмо мы получим три года». На следующий день нас арестовали, а еще через четыре месяца я получил три года, а Кароль — три с половиной. Я немедленно, прямо в зале суда, потребовал, чтобы мы получили поровну, потому что делали одно и то же. На что прокуратор Петрасинский возразил, что раз Модзелевский — еврей, то он, должно быть, и есть заводила.

Второй приговор

Мы с «коммандос» [группа студентов вокруг Куроня] решили назначить на 8 марта 1968 г. митинг в защиту исключенных из университета. На этот митинг я не пошел, так как мы с Каролем не хотели своим присутствием подтверждать пропагандируемый органами тезис о том, что за университетским брожением и студенческим протестом стоят «политические тертые калачи» — Куронь и Модзелевский. После митинга ко мне пришла Ирена Жито, ныне Хербст. Она рассказала, как толпа людей в штатском с дубинками кинулась на них, когда они уже собирались расходиться. Как потом люди в штатском и милиция били на улице Краковское Предместье каждого, кто подвернулся под руку, а студенты попрятались в общежитиях, где, вероятно, будут бастовать. На этот раз я решил быть с ними. Но не успел я выйти на улицу, как два гебешника задержали меня.

Получил три года — на этот раз, как подчеркнул прокурор Петрасинский, ровно столько же, сколько Модзелевский.

Комитет защиты рабочих

Ускользая от слежки и ведя неустанную игру с полицией, я обнаружил, что страх зависит от напряжения, а не от того, чего мы боимся. Потому что и тогда, когда мне грозило 48 часов в обычном участке, и тогда, когда ставкой была тюрьма на долгие годы, и, наконец, когда грозила смерть, во мне происходило одно и то же. Страх игры. Это хороший страх, с ним можно жить. Всегда, когда я возвращался ночью, на рассвете, Гайка как будто вовсе не спала. Выбегала в прихожую, обнимала меня крепко-крепко. Дрожа говорила мне: «Смотри, я слышу каждого, кто входит в подворотню, но еще ни разу не ошиблась, всегда знаю, когдаходишь ты». Тогда я понял, каким ужасным может быть другой страх — страх ожидания. Каждый из нас предпочитал «ехать», а не ждать.

Товарищество научных курсов

Перед очередной лекцией ТНК, которая происходила в нашей квартире, мой отец почувствовал себя исключительно плохо. Я позвонил в «скорую». Написал на листке бумаги, что прошу прощения, отменяю лекцию ввиду состояния здоровья отца. Я уж даже не своим слушателям хотел это объяснить, а штурмовикам. Почти тут же кто-то сообщил, что идет штурмовая группа. Я через дверь объяснял, что лекции не будет, отец болен и занятия отменены. Мне казалось, что они ушли. Через минуту пришел Генрик Вуец.

Я ему открыл, а они кинулись сверху, где спрятались, — этажом выше. Я не успел втащить Генрика, а он не успел сбежать. Они ворвались внутрь, я стоял, прижатый к стенке и истерическим голосом кричал: «Люди, люди, мой отец умирает!» Видел, как избивали Генрика, как он обливался кровью, как его голова стучала по ступенькам, по которым они его тащили, и в конце — как его бросили в снег.

Я был уверен, что он убит. А потом вбегаю внутрь и вижу, как избивают моего сына. Несколько держат, один бьет. Я кидаюсь, пытаюсь его вырвать, но не получается. Вижу, как один из них держит за голову Гайку и поднимает ее вверх.

Корреспондент «Тайма» спросил меня потом, зачем я всем этим занимаюсь. Я ответил: не знаю, теперь боюсь. Через несколько дней мы с Адамом Михником написали заявление, что прерываем наши лекции. Я осознал, что раз я боюсь поставить в воротах своего собственного сына — а я боялся, — то мне нельзя там поставить и ничьего другого сына.

Интернирование

Привезли меня в какое-то отдельно стоящее здание в предместье. Велели выйти и по лестнице вниз отправили в подвал. Сумка давила мне на плечо. Пол в подвале был посыпан песком, а стена, к которой я шел, вся была в следах выстрелов. «К стенке», — прорычал кто-то. Ага, так вот оно. Я бежал к стене в следах выстрелов — бежал и бежал. Только бы успеть повернуться. Чтобы не в спину. Стена. Раз, два, три... Успел. Что теперь делать? Я полез за сигаретой, чтобы скрыть, что горестно мне и что я боюсь. «Я бы тоже закурил», — сказал тот, что послал меня к стенке. Я закурил. Вынул из сумки новую пачку. Бросил милиционеру. Пожалуй, стрельбы не будет. Снял кожух, положил под голову сумку, полную бумаг с резолюциями съезда «Солидарности», и уснул. Было 13 декабря 1981 года.

В Третьей Речи Посполитой

Тадеуш Мазовецкий предложил мне пост министра труда и социальной политики вместе с ответственностью за отношения с профсоюзами. У меня в глазах потемнело. Чтобы в таких обстоятельствах стать министром труда, зарплаты и социальной политики (что практически означало министерство безработицы, нужды и отсутствия социальной политики), нужен был сумасшедший или просто самоубийца.

Супы

В Польском Красном Кресте мне сказали, что не я выдумал супы [раздачу бесплатного супа нуждающимся], а они. Я ответил, что супы выдумал человек, как только сделал кастрюлю. Какая-никакая кастрюля — и уже есть суп. А уж раз он выдумал суп, то начал супом делиться. И это одно из самых старых изобретений человечества. Зато я придал этой операции высокий ранг.

Составила Анна Биконт.

Цитаты взяты из книг Яцека Курона

ДАЖЕ В БОЛЬНИЦЕ КУРОНЬ ИСПРАВЛЯЕТ МИР

Сентябрь 1998 года. Яцеку Куроню в варшавской больнице на ул. Эмилии Платер предстояла операция аневризмы брюшной аорты. В ходе предоперационного обследования оказалось, что его шейная артерия совершенно забита. Врачи решили, что надо сделать другую операцию: прочистить артерию, тормозящую приток кислорода к мозгу.

Проводивший операцию профессор пытался сказать Яцеку – кстати, единственному, кто там был спокоен, – что у него будет не та операция, что планировалась. Но Яцек как раз заканчивал поправлять текст "Разделим на всех этот торт" для "Газеты wyborчей" – о польской налоговой системе, которая служит исключительно богатым. Операционная ждет, а Яцек повторяет: "Еще минутку". Операция операцией, но он же должен высказаться. А то он страдает, что "во времена Ягеллонов в Краковской академии учились десять крестьянских сыновей, а сегодня в том же самом Ягеллонском университете только 4% студентов из сельских семей".

Профессору Мечиславу Шостеку операция удалась, но ночью произошло кровоизлияние в мозг. Много дней Яцек лежал без сознания. Лекари постепенно приучали жену Дану и друзей к тому, что он может уже не прийти в сознание, а придя – никогда больше не быть тем же Яцеком, которого мы знаем и любим. Так, наверное, и случилось бы, если б на его месте был кто-нибудь другой. Но перед силой духа Яцека рушатся все правила и оправдывается поговорка: "Если пациент выздоравливает – медицина бессильна".

Первые контакты с Яцеком надрывали сердце и не давали особых надежд. Одну из нас он не узнал и, устыженный, просил прощения, пытаясь отгадать имя. Другую спросил, в тюрьме он или в тюремной больнице. Безжалостная память упорно напоминала о боли и страданиях – эту операцию невозможно было провести под наркозом. Так, Яцек рассказывал, что его мучили в результате заговора милиции и врачей. В какой-то момент он смолк, задумался и произнес: "Пожалуй, все-таки я должен принять во внимание и такую возможность, что это лишь стечение обстоятельств и никто намеренно не хотел сделать мне плохо".

Знакомый психиатр сказал нам позже, что еще не встречался со случаем, чтобы пациент после нехватки кислорода одновременно был в состоянии паранойи и отвергал ее.

Бомба с часовым механизмом

Врачи обещали медленное выздоровление, а Яцек уже в октябре вместе с Богуславой Бердыховской составлял меморандум по украинскому вопросу. Он уже много месяцев не появлялся на публике, когда в декабре 1998 г. на вопрос, какого политика поляки хотели бы пригласить к себе домой на первый день святок, они ответили: президента и Куроня. И хотя практически уже два года, то есть с проигранных президентских выборов, Яцек все время болел (но написал за это время вместе с Яцеком Жаковским "Семилетку, или Кто украл Польшу"), поляки по-прежнему ставили его на ведущие места во всех рейтингах доверия.

Между тем аневризма брюшной аорты увеличивалась. Каждый прием у врача кончался словами о том, что Яцек должен остаться в больнице. "Знаете ли вы, что у вас в животе бомба с часовым механизмом?" – спрашивали они его.

– Через Адама Михника, – рассказывает нам Дана Куронь, – я связалась с профессором Войцехом Нощиком, видным полостным хирургом и нашим соседом по Жолибожу. Он пришел к нам домой и говорит: "Прочитав историю болезни, я ожидал застать больного старичка, а вижу молодого, здорового человека".

Профессор созвал врачебный консилиум, полтора десятка докторов, когда-либо занимавшихся разными частями организма Яцека – многие из этих частей уже тогда нуждались в замене. Ларингологу не понравилось его горло. Правду говоря, оно всегда было его ахиллесовой пятой. Когда в первые годы после 1989-го он охрипшим голосом вел беседы после выпуска последних известий, несколько ларингологов обращались к нему, чтобы лечить его, делать ингаляции, нянчить. Но Яцек был занят другими делами.

В начале 1999 г. он пошел в больницу МВД на Волошской улице, чтобы проверить горло. Когда он попал туда в первый раз, привезенный "скорой помощью", в дверях ждала делегация: врачи и медсестра, которая напомнила ему, что, когда его привозили в наручниках с Раковецкой [варшавской Лубянки] с камнями в почках, она проносила ему сигареты и тайно передавала записки. Один врач сказал: "Ваше здоровье разрушено нашим ведомством, и мы отвечаем за то, чтобы вам

его вернуть". (Это было бы отличное бонмо, если бы не один факт. В архиве МВД среди документов о его пребывании на Раковецкой в 1968 г. сохранились черновики его заявлений тюремным властям. Яцек безуспешно просил выдавать ему дополнительный стакан кипяченой воды для питья, так как у него болят почки.) С тех пор Яцек уже значительную часть жизни проводил в больнице на Волошской.

Дело жизни

Когда Яцеку выжгли опухоль в горле и послали ткань на биопсию, Дана нервно ждала результата, но Яцек об этом и не думал – занимался тем, что писал дело своей жизни, к которому возвращался всегда, когда его мир рушился, а он не мог действовать. Впервые – после выхода из тюрьмы в 1971 г., когда он увидел послемартовскую разруху: десятки близких ему людей были вынуждены покинуть Польшу, а те, что остались, были подавлены и разбиты. Во второй раз – когда вышел из тюрьмы в 1984-м, а дома его не ждала скончавшаяся в 1982 г. жена Гая. Теперь, когда болезнь вытолкнула его за рамки активной политики, он взялся за это в третий раз.

Он устал, потому что работал каждую минуту. Но он был уже не тот прежний Яцек, способный урвать от сна несколько ночей кряду. И когда прозвучал приговор: рак – Яцек уже спал (он страдает приступами сонливости вперемежку с бессонницами). Дануся провела ночь один на один с этим сообщением. Ждала, пока Яцек проснется.

– Яцусь, – сказала она, – у тебя обнаружили рак.

А он ответил:

– А есть ли какие-то медицинские показания против того, чтобы я еще поспал?

Начались ежедневные облучения, на которые Яцека возили записывавшиеся в очередь добровольцы. Яцек нагло объявил, что больше всего любит, когда его возят красивые женщины (другое дело, что он чуть не каждую женщину считает красивой), потому что тогда обязан перед ними держаться стойко. Однако на третью неделю он слегка сдал и перестал работать над делом своей жизни, которое друзья давно уже называли – слегка язвительно, но и не без нежности – "Яцека Куроня общей теорией всего".

– Врач предупреждал, что после облучений начинаются сильные боли, горло обожжено, а еще больше, если куришь, –

рассказывает нам Яцек. – Я курил и слушался советов старшей сестры отделения: пить кисель и крахмал. Если б я тогда глотал кактусы, вот бы мучился, а так ничего особенного со мной не было.

В июне курс облучения закончился. Яцек тут же вернулся к работе над книгой. Он спешил, считая, что времени мало.

Завещание Яцека

Наступил день его рождения – 3 марта 1999-го, – в который друзья по традиции собираются в его жолибожской квартире. На этот раз он, однако, созвал ополчение со всего света, объявляя, что это будет его последний день рождения. Очередь ко входу в ресторан его сына Мацея в театре "Буффо" растянулась до Вейской. В середине банкета Яцек включил телевизор, где шло ранее записанное Ежи Маркушевским его прощание.

Яцек завещал нам дела, о которых нам следовало позаботиться после его смерти. Главное, чтобы в бюджете нашлись деньги на образование и на воспитание будущих поколений в духе уважения к национальным меньшинствам.

Счастливый, заваленный цветами и подарками, он качался в кресле, которое тоже получил в подарок, и слушал песни группы "Черемшина" из Подлесья.

Между тем аневризма увеличивалась, часовой механизм тикал. Марек Эдельман, который никогда не сдается перед лицом болезни, все-таки сказал Яцеку: "Яцек, когда-нибудь от чего-нибудь придется умереть. Уверяю тебя, что смерть от разрыва аневризмы брюшной аорты – хорошая смерть, быстрая".

Но Яцек жил и продолжал высказываться по вопросам, которые считал важными. Он напечатал текст против люстрации, призывал не обострять польско-украинских отношений, протестовал против подавления прав человека в Китае и Тибете, защищал раввина Йосковича, подвергнувшегося нападкам за неудачные высказывания.

В декабре 1999 г. Эдельман решил собрать полную медицинскую документацию Яцека и отправить в Париж, Алине Эдельман-Марголис, которая традиционно опекает польских больных.

– Нашелся профессор, готовый провести Яцеку шунтирование брюшной аорты, чтобы уберечь ее от разрыва, – рассказывает Дана. – Мы отправили бумаги, а он в ответ написал, что

слишком большое число болезней не позволяет делать пациенту операцию.

Несмотря на это Эдельман велел друзьям купить Яцеку и Дане билеты в Париж. Он рассчитывал, что, увидев Яцека, профессор передумает. Так и произошло.

"Вчера, - сообщала нам в январе 2000 г. живущая в Париже Ирена Смоляр, - Яцеку сделали операцию ягодичной артерии. Это первая, самая легкая часть собственно операции. Прошло хорошо. Из Аризоны и Дании доставили (на всякий случай) два разных артериальных эндопротеза. Врачи настроены оптимистически. Яцек в хорошей форме. Устроил в больнице анархию, упорно куря в палате. Его пробовали с кроватью и капельницей возить в курилку, но в конце концов разумно поддались силе его привычек и воли".

В операции принимали участие 13 врачей. Яцек, едва проснувшись, сорвался с постели, чем вызвал в отделении панику. Двумя днями позже мы получили по электронной почте сообщение, что Яцек уже "яро воюет с французами за свою суверенность, т.е. за право курить где хочет и когда хочет".

Университет в Теремисках

Когда справились с аневризмой, пошли проблемы с почками. Жизнь Яцека протекает в неустанных анализах. Ему положено много пить. Он не расстается с большой бутылкой минеральной воды. Начинается заколдованный круг: или воды в организме слишком много - и он опухает, или он обезвожен - и тогда у него подскакивает уровень креатина, а организм отравляется. Единственная почка Яцека - вторую ему удалили в 1994 г. - работает все хуже. Сердце, все более слабое, с трудом откачивает воду, которая откладывается в легких. Из одного воспаления легких Яцек сразу переходит в следующее. В перерывах между двумя воспалениями легких, между двумя больницами он завершает дело жизни.

На рубеже 2000 и 2001 гг. рентген показал, что у Яцека есть что-то в легких. Это могут быть следы инфекции, но друзей охватил жуткий страх, что это метастазы. Эдельман сказал спокойно: "Левая нижняя доля - лучшее место для рака, отлично оперируется".

В феврале 2001 г. добрая весточка по электронной почте обежала весь мир: компьютерная томография показала, что

метастаз у Яцека нет. Мы сами ее посылали, а теперь она к нам возвращалась от друзей Яцека, рассеянных по всему свету.

Хотя Яцек без всякого смущения рассказывает о том, что его мучит, но своим состоянием здоровья не интересуется, не умеет повторить, что сказали врачи, не усваивает ни одного термина (слово "бронхоскопия" ему не выговорить). Известно, что есть такие пациенты, которые способны черпать хоть малую радость из болезней и рассказов о них. Но Яцек не интересуется болезнями – Яцек интересуется Польшей.

Движущая сила Куроня – его картины того, как исправить мир. На этот раз это картина всеобщего образования и ее реализация на малом участке – в белостокской деревне Теремиски. Сын Даны Павел со своей женой Касей и журналистом "Газеты выборчей" Адамом Вайраком решили осуществить один из замыслов Яцека: идею неформального просвещения. Вайрак купил там граничившую с его домом старую школу, где будет получать образование молодежь из деревень и малых городков – дети безработных родителей. Занятия в университете ведут Кася и Павел Винярские по правилам, как сами говорят, "педагогики Яцека Куроня".

Мое время наступило

В сентябре 2001 г. состояние легких Яцека стало катастрофическим. Его положили в армейский госпиталь, на отделение пульмонологии, где диагностировали аспирационную пневмонию и мерцательную аритмию. Оттуда его отвезли в Анинскую клинику под Варшавой, в отделение интенсивной терапии, где доктор Янина Стемпинская вступила в битву за его жизнь.

Когда через месяц Яцек с Данусей вернулись домой, коллектив университета в Теремисках представил Яцеку готовый проект, а в его квартире на ул. Мицкевича начало собираться новое поколение двадцатилетних, которых Яцек заразил своей великой жизненной страстью. В октябре 2001-го он еще раз поднялся и призвал создать Гражданское движение защиты человека, общественное движение "против волчьего капитализма, за государство, которое заботится о своих гражданах и защищает самых бедных от цены преобразований". Как во времена КОРа, он поставил свой домашний адрес. Стали звонить или просто приходить десятки людей. Вскоре он снова оказался в больнице.

– Яцек, – рассказывает Дана, – всегда так функционировал: если что-то надо сделать – делал. Четыре дня подряд мы ездили на

встречи с рабочими. Его организм вырабатывал столько адреналина, сколько на это требовалось. Но теперь то, что когда-то было его силой, разрушает его. Он мобилизует огромные силы, работает на крике и тратит остатки энергии, необходимой ему, чтобы жить. Люди часто спрашивают меня, почему его не видно по телевидению, почему он с ними не встречается. Но теперь контакт с Яцеком можно установить лишь через то, что он пишет.

В 2002 г. вышла написанная в особенно болезненном состоянии книга "Деятельность. Если мы не работаем над своей жизнью, она господствует над нами", где Яцек изложил свою концепцию развития мира, его будущего, грозящих ему опасностей. Теоретическая и трудная, книга встретила слабый общественный отголосок. Яцек огорчился, но в то же время повторял: "Я знаю, что мое время наступило. Моя книга определит мышление будущих поколений. Правда, я этого не дождусь, но это неважно".

Любовь как окружающая среда

1 ноября 2002 г. Яцек поехал на Украину, чтобы на Лычаковском кладбище принять участие во встрече семей польских и украинских жертв братоубийственной войны [польско-украинской войны 1919 года].

С некоторого времени вновь была возбуждена дискуссия о львовском кладбище Орлят [защитников Львова от украинских войск]. Яцек, по рождению львовянин, воспитанный на легенде львовских Орлят, написал в "Газету wyborчу" текст "Я понимаю протест украинцев": "В братоубийственной войне в героических боях с обеих сторон погибли люди, и по обе стороны они боролись за независимость. А мы заставляем украинцев согласиться на то, чтобы этот пантеон триумфа польского оружия стоял в городе, который они считают сердцем Украины".

– Я всегда задумываюсь, нельзя ли найти взаимопонимание, – говорит он нам. – Нельзя же жить в мире, где люди не понимают друг друга. Иногда взаимопонимание невозможно, но пробовать не повредит же?

У соседствующих друг с другом могил сичевых стрельцов и львовских Орлят (эти два кладбища разделяла стена, которую разобрали) впервые в истории вместе молились украинец, греко-католический епископ, и поляк, католический епископ. По украинскому телевидению показали Куроня в инвалидной коляске, которого обнимали украинцы и поляки.

– Тогда у меня уже давно не было сил ходить, – говорит нам Яцек, который едва способен пройти от комнаты до ванной.

А тогда у него вдобавок еще было воспаление легких. Рядом с ним стояла украинская медсестра Слава Данылько с сумкой, полной лекарств, и в перерывах церемонии делала ему инъекции.

Тем не менее в 2002/2003 учебном году в перерывах между больницами ему удалось три раза приехать в Теремиски на свой курс лекций "Любовь как естественная среда человека".

Речь Посполитая внуков

3 марта 2003 г. у Яцека наступила полная блокада проведения импульса между предсердиями и желудочками. Это был результат тяжелых электролитных нарушений. Единственная почка перестала работать, и 1 апреля Яцеку начали проводить диализ.

– По вторникам, четвергам и субботам, – говорит Дануся, – он лежит прикованный к постели под двумя капельницами, неподвижно, так как любое движение вызывает боль. В середине диализа начинаются судороги, а после диализа падает давление, начинается сердечный приступ, и Яцек задыхается. На следующий день с утра он приходит в себя, чтобы на завтра снова ехать на диализ.

Уже через неделю он впервые решительно запротестовал. Сказал, что человек не может быть придатком машины и что если его жизнь должна быть лишь физиологией, то спасибо большое.

2004 год. Проходят новые месяцы диализа. Диализ – это не только подчинение жизни больничному ритму, но и десятки неприятных побочных эффектов.

– Я так потею, – рассказывал нам Яцек, – что по двадцать раз за ночь меняю майку. В таком полусне мне мерещилось, что это майки для еврейских детей, а я у них эти майки отнимаю.

Нет у Яцека ни одного органа, который бы на что-нибудь годился. Хуже всего, однако, почечная недостаточность: она приговаривает его жить под диализом до конца своих дней. Яцек мечтает о пересадке почки. Пока, однако, он вынужден принять образ жизни, который ему глубоко чужд, жизни, сосредоточенной на собственной физиологии.

Яцек рассматривает больницу как тюрьму, с той разницей, что из больницы под свою ответственность можно выписаться. Чем он часто пользуется. Однажды его не хотели выпускать, объясняя, что он может умереть. Тогда он написал бумагу: "Заявляю, что, будучи homo sapiens, я все время живу с сознанием того, что когда-нибудь умру. Более того, я давно уже умираю. Яцек Куронь".

Самое главное дело, которое он еще должен осуществить, это – шутка сказать – проведение всемирной революции в образовании.

– Человечество, – утверждает Яцек, – оказалось на пороге новой эпохи, когда благодаря кибернетической революции каждый может обладать равным доступом к науке и культуре.

Он готовит новую книгу, в которой излагает свои теории о том, как построить лучший мир. Заглавие: "Речь Посполитая моих внуков". Она должна выйти в издательстве "Роснер и К°", и директор издательства Анджей Роснер месяцами ходит к нему по понедельникам, средам и пятницам – по тем дням, когда у Яцека нет диализа.

– Яцек всегда подготовлен, – рассказывает нам Роснер. – Диктует мне свои записи, иногда это продолжается минут двадцать – больше он говорить не в состоянии.

В свой день рождения Яцек всегда старается быть дома, однажды едва добился от врачей, чтобы его выпустили. Но в этом году не вышло. Он ждет в больнице операции по установке кардиостимулятора. Врачи не сдались: четверть часа, нужные, чтобы доехать на "скорой помощи" до дома, – слишком большой риск.

– Слух о моей смерти, разнесшийся пять лет назад, был, пожалуй, преждевременным, – признаётся Яцек, когда мы навещаем его в его семидесятилетие.

Мы заглядываем в компьютерный архив "Газеты выборчей": за описываемый нами период имя автора – Яцек Куронь – появляется 77 раз.

– Но если ты уже такой больной и всё у тебя так болит, что делать ничего не можешь, то что же ты тогда делаешь? – спрашиваем мы.

– Когда меня уже так придавит, что не могу встать с постели, лежу, скулю, вою, то у меня образуется краткий перерыв. Но мне всегда надо что-то делать. Хотя бы подумать о себе.

Неустанно свожу счета с совестью. В моей религии ни один грех не отпускается, каждый я припоминаю заново и размышляю, как его исправить.

ФАКТОР КУРОНЯ

Кончина Яцека Куроня вызвала громкий отзвук в европейской печати. Влиятельная итальянская газета «Иль фолио», возглавляемая замечательным публицистом Джулиано Феррарой, 19 июня поместила на первой полосе публикуемую здесь статью памяти Яцека Куроня. Автор статьи — профессор университета в Тренто, специалист по новейшей истории стран Восточной Европы.

Зима 1978/1979 г. была для Польши под властью Эдварда Герека исключительно тяжелой. Суровые морозы содействовали обнажению шаткости государства, которое уже почти десять лет старалось воспользоваться некоторым потеплением политических отношений между двумя блоками. Однако застой, воцарившийся в Москве, не обещал открытия новых путей. Польская демократическая оппозиция, сформировавшаяся после забастовок в Радоме и Урсусе (1976), достигла апогея своих возможностей. КОР (Комитет защиты рабочих) развил целую серию новых начинаний, не вмещавшихся ни в какие официальные рамки. Это предпринял слой общества, отвергавший всякий контроль со стороны тоталитарной системы, а в начинания эти входили и неподцензурные издания, и «летучие университеты», лекции и семинары которых проходили на частных квартирах, — это было продолжением методов, широко применявшихся поляками во время немецкой оккупации.

Однако стратегия была уже другой. Подобно тому, как это удалось в одной лишь Испании, оппозиция стремилась создать структуры гражданского общества, чтобы широко воплотить их в жизнь, как только появятся первые трещины в стене тоталитаризма. Правда, политическая и физическая агония Брежнева в Кремле, казалось, будет тянуться без конца, и момент широкого воплощения новой стратегии все время оттягивался.

И вот под конец этой бесконечной зимы 1979 г. Яцек Куронь, *spiritus movens* Комитета общественной самозащиты КОР, произнес свою знаменитую речь на подпольном собрании. Вопреки пассивности и разочарованию, охватившим уже многих его слушателей, он предсказал — опираясь на неопровержимые факты и цифры, — что неуклонно приближается момент смены власти. Этот тезис стал на целые

недели главным предметом обсуждения среди варшавской интеллигенции, вызывая немало споров и возражений. В июне того же года в Польшу прибыл со своим первым паломничеством Иоанн Павел II, и массовое участие поляков в молебнах и литургиях, которые он служил, доказало, что Яцек Куронь еще раз был прав. Уже на следующий год предстояло возникнуть «Солидарности».

Яцек Куронь умер в 70 лет после продолжительной болезни. Он ушел в сиянии той ясности ума и замыслов, благодаря которой на протяжении полувека своей политической жизни он мог пользоваться авторитетом не только несомненным, но, пожалуй, куда большим, чем у лиц, намного более известных на международной сцене. Если сегодня Лех Валенса говорит, что без Куроня не было бы «Солидарности», то это утверждение не принадлежит к посмертным банальностям. Он, конечно, помнит, с какой быстротой и энергией проводилась в жизнь мысль Куроня, когда еще в июле 1980 г. варшавские и краковские интеллигенты поспешили в Гданьск, в результате чего новая волна забастовок не ограничилась материальными требованиями и разрушительностью, а всеобщее недовольство вылилось в форму общественной программы. Этому Куронь вместе с друзьями из КОС-КОР, в первую очередь Адамом Михником, посвятил целое предшествующее десятилетие, хорошо помня горькие поражения изолированных движений: студенческого в 1968 м и рабочего (в городах балтийского побережья) в 1970 м.

Имя Куроня неразрывно с его — написанным вместе с Каролем Модзелевским — открытым письмом, направленным в 1965 г. руководству ПОРП. Это была декларация «ревизионизма», за которую он тогда заплатил приговором к первым трем годам тюрьмы. Без Куроня не обошелся ни один ключевой момент позднейшей политической жизни, включая «круглый стол» 1989 г., когда страна мирно распрощалась с коммунизмом. Это была долгая деятельность, в которой педагогический фактор играл важную роль. Деятельность эту трудно назвать «карьерой» — еще и потому, что ее ведущим мотивом была не политическая игра, а желание сотрудничать с людьми, заслуживающими искренней дружбы. Нельзя также говорить об этой деятельности и умолчать об истории большой любви, соединявшей Яцека с женой, преждевременно угасшей Гражиной (Гаей).

Куронь был человеком, политическая проницательность которого не содержала элементов холодного расчета, а, наоборот, порождалась страстью. Его мучило чувство вины за

то, что ему так и не удастся открыть смысл жизненных процессов. Он был тем министром труда в первых посткоммунистических правительствах, который позаботился создать пункты раздачи еды тем, кого затронула цена либеральных реформ, проводившихся его коллегой из министерства финансов. Он был гордым польским патриотом, который никогда не прекращал борьбы за установление дружественных отношений с евреями и украинцами. Он был уже вполне зрелым человеком, когда под влиянием сочинений Дитриха Бонхоффера стал лицом к лицу с тайной веры, отвергнув всяческий атеистический догматизм. Все это создает образ одного из самых благородных отцов Европы.

I
L
F
O
G
L
I
O

q
u
o
t
i
d
i
a
n
o

РЕЧЬ НА ПОХОРОНАХ ЯЦЕКА КУРОНЯ

На кладбище, разумеется, не всё уместно говорить. Но на похоронах Яцека Куроня действуют другие правила. И тоже не всё уместно — главное, неуместно придерживаться канонов так называемой политкорректности. Я и не буду.

Не станем себя обманывать: Польша без Яцека Куроня будет слабее. Слабее, хуже. Нам труднее будет противостоять различным опасностям. Одновременно я отдаю себе отчет в том, что не все разделяют такое мнение.

Многим людям Яцек мешал. Нет в Польше недостатка и в таких людях, которые считают, что они-то наверняка знают, как твердой рукой следует ввести надлежащий социальный порядок, как твердой рукой обеспечить соблюдение твердых правил рынка. Если позаимствовать определение у Войцеха Млынарского, то это «либералы сильной руки».

Им Яцек заведомо мешал. Потому что он был бунтарь, притом безумно неудобный бунтарь. За свою разнообразную и богатую жизнь он дважды побывал в политической партии — и ни в одну не вменялся. Он приложил руку к построению двух разных общественных порядков — и против обоих бунтовал. Он категорически взбунтовался против коммунистического порядка, но мыслью своей бунтовал и против того, что строил вместе с друзьями в своей зрелости.

А поскольку он был одним из отцов-основателей свободной Польши, постольку его бунтарская мысль оказывалась неудобной. Ибо когда некто по имени Яцек Куронь критиковал социальные итоги польских преобразований либо войну в Ираке и наше в ней участие, то на него невозможно было навесить ярлык демагога — и это было неудобство.

Он умер. Больше таких неудобств не будет. Можно почтить его памятником, можно восхвалить его заслуги, воздать честь его памяти. И всё будет спокойно, никто, обладающий таким авторитетом, не будет сеять сомнений, колебаний, не будет подстрекать людей к бунту. Это и есть та опасность, которая грозит Польше. Когда бунтарская мысль утихнет, Польша

станет слабее и хуже будет защищаться от различных опасностей, которым мы обязаны противостоять.

Что склоняло Яцека бунтовать? Не какая-то там идеология, а нечто куда прочнее, куда фундаментальнее всех идеологий. К бунту его склоняли ценности. Короче всего это можно определить словами, принятыми в великой «Солидарности» 1980–1981 гг.: он руководствовался основополагающим принципом защиты слабых. То есть защиты рабочих, когда во времена КОРа ими помыкали, их били, сажали, притесняли; защиты всех, кто находится на нижних ступенях социальной лестницы. Тех, кто слабы, тех, кто живет в нужде, тех, кто не слишком способен обеспечить себе достойную жизнь.

Яцек не считал себя рыцарем, защитником угнетенных. Он, наоборот, считал, что угнетенные должны защищаться. Это значит, что надо действовать вместе с ними, помогать им организоваться, чтобы они сумели защищаться и добиваться своего, чтобы смогли в диалоге с представителями других интересов и других подходов добиваться своего. И добиваться взаимопонимания. Поэтому он смог так успешно посредничать в конфликте, связанном с приватизацией металлургического комбината «Варшава»; и профсоюзные активисты с металлургического комбината «Луккини-Варшава» не случайно сегодня здесь с нами. Поэтому здесь с нами и профсоюзники с судоверфи «Гдыня», ибо Яцек стал на их сторону твердо и категорически, когда на судоверфи попытались подавить импульс рабочей и межчеловеческой солидарности с помощью таких средств, как всегда: выбрасывали с работы, угрожали невозможностью содержать семью, применяли всяческие гонения и репрессии, — и поэтому они с нами на его похоронах.

В такое время, когда этику солидарности заменяет принцип конкуренции или еще чаще конкуренция без всяких принципов, Яцек всегда выступал в защиту этики солидарности, в защиту импульсов солидарности между людьми, ибо он отдавал себе отчет в том, что социальное сотрудничество и межчеловеческая солидарность — основополагающие формы общественных связей. Когда общественные связи исчезают, рвутся, это значит, что народ умирает. И потому Яцек в таких обстоятельствах считал, что нужна спасательная операция. И спешил на помощь.

О нем часто говорят, что он пытался достичь безнадежного. То есть пытался согласовать требования экономической рациональности с социальным чувством. В этом что-то есть. Но почерпнутые из пропагандистских лозунгов слова о

«единственном пути» затрудняют достижение истины. Можно сказать, что благодаря им язык мыслям лжет. Не так ведь обстоит дело, что существует одна-единственная экономическая рациональность. И это Яцек тоже признавал. В экономике, как во всякой общественной деятельности, сталкиваются разные ценности, разные интересы и разнообразные соображения. Сегодня верх взял подход, согласно которому в хозяйственном процессе трудовой человек — это затрата. Затрата, которую нужно предельно сократить. Может, даже до нуля. И чем больше удастся его сократить, тем больше экономический успех.

Яцек представлял противоположный подход. Он считал, что такая экономическая модернизация, которая толкает половину Польши на дно, оставляет половину Польши за бортом, — это не успех, а поражение.

Потому что мера экономического успеха — плоды, которые он приносит обычным людям.

Это не значит, что Яцек пытался свой подход навязать другим. Он хорошо помнил опыт коммунизма, в котором сам участвовал, и знал, что подход, который захватит всё поле, а остальные столкнет в сторону, — будь то даже его собственный подход, — обратится в наихудшее зло. Поэтому Яцек был таким ни на кого непохожим революционером, целью которого было не уничтожить противника, а достичь компромисса.

В политическом споре он всегда искал соображений оппонента. Он искал каких-то общих ценностей с теми, кто думал иначе, нежели он, и представлял другие интересы. Он старался влезть в шкуру противника, старался понять его соображения и старался как-то эти противоречащие друг другу соображения согласовать. Можно сказать, что с этой точки зрения важнейшим его проектом для новой Польши был «Пакт о предприятии». Это должен был быть список принципов, определенное правило социальной и экономической жизни, опирающееся на общественное взаимопонимание.

Можно полагать, что это мечтательство. Но я думаю, что это не мечтательство, — это было и остается реальной идеей, как уберечь демократию и рыночную экономику от тяжелых потрясений, как уберечь Польшу от глубокого раскола, вызванного крупным социальным конфликтом.

И если мы растеряем это наследие Яцека, великого революционера и одновременно человека компромисса, то

заведомо будем слабы, заведомо будем хуже, и нам будет труднее противостоять опасностям.

Но слова, которые раздались после его смерти, такое волнение сердец и умов позволяет питать надежду, что мы сумеем принять его эстафету.

Что все мы это сумеем. Во всяком случае попытаемся. И должны мы это — не ему. Должны мы это себе самим.

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

- Впервые выборы в Европейский парламент прошли "с истинно континентальным размахом – от Дублина до Люблина", как выразился председатель Европарламента Пэт Кокс. Избраны 732 депутата из 25 государств. Польшу представляют 54 депутата. ("Газета выборча", 11 июня)
- На первых польских выборах в Европарламент больше всего голосов набрала "Гражданская платформа" (24,92%), что позволило ей получить 15 депутатских мандатов. За ней следуют: "Лига польских семей" (15,92% голосов, 10 мандатов), "Право и справедливость" (12,67%, 7 мандатов), "Самооборона" (10,78%, 6 мандатов), коалиция "Союза демократических левых сил" (СДЛС) и "Унии труда" (9,34%, 5 мандатов), "Уния свободы" (7,33%, 4 мандата), крестьянская партия ПСЛ (6,35%, 4 мандата) и "Польская социал-демократия" (5,33%, 3 мандата). Явка на выборы составила 20,87%. (I программа Польского радио, 14 июня)
- Новоизбранными польскими депутатами в Европейский парламент стали, в частности, бывший премьер-министр Ежи Бузек ("Гражданская платформа"), бывший министр иностранных дел Бронислав Геремек ("Уния свободы"), бывший министр приватизации Януш Левандовский ("Гражданская платформа") и вице-маршал Сейма Януш Войцеховский (ПСЛ). (I программа Польского радио, 15 июня)
- Комиссаром Европейской комиссии стала Данута Хюбнер, членом Европейской счетной палаты – Яцек Учкевич, судьей Европейского суда юстиции – проф. Ежи Макарчик, а Европейского суда первой инстанции – проф. Ирена Вишневская-Бялецкая. В совет Европейского центрального банка в силу своей должности вошел президент Польского национального банка проф. Лешек Бальцерович, а в совет губернаторов Европейского инвестиционного банка – министр финансов Анджей Рачко. Кроме того Польша получила по 21 месту в европейских совещательных органах: социально-экономическом комитете и комитете регионов. ("Политика", 22 мая)

- По данным опроса ЦИОМа, в июне 2003 г. на вопрос: "Как вы относитесь к вступлению Польши в Евросоюз?" - 77% опрошенных ответили "положительно", а 23% - "отрицательно". В мае 2004 г. к членству в ЕС положительно относился 81% опрошенных, а отрицательно - 19%. ("Газета выборча", 27 мая)

- Продолжается массовый выезд поляков на легальную работу в Великобританию и Ирландию. В некоторых регионах Польши свободного места в автобусе нужно ждать целых три недели. ("Тыгодник повшехный", 23 мая)

- "Инвестиционный бум в деревне. Крестьяне поверили Брюсселю и за деньги Евросоюза начали массово модернизировать свои хозяйства. Это ведет к резкому росту продажи сельскохозяйственной техники и строительных услуг. Кооперативные банки открывают новые счета". ("Жечпосполита", 8 июня)

- Согласно сельскохозяйственной переписи населения, в Польше - почти 3 млн. крестьянских хозяйств (чуть ли не половина от общего числа во всей Западной Европе), в которых живут 7,5 млн. человек. Площадь миллиона из этих хозяйств - менее одного гектара. Только 150 тыс. хозяйств зарабатывают на продаже сельскохозяйственных продуктов больше 25 тыс. злотых в год (эквивалент средней зарплаты). Как правило, это современные хозяйства. Сельскохозяйственное образование получили 45% польских крестьян, в т.ч. высшее - 1%, среднее - 5,5%; курсы для выпускников средней школы окончили 1,5%. Остальные 37% окончили сельскохозяйственные ПТУ или курсы. ("Впрост", 13 июня)

- "[Фиктивный] брак за деньги - не единственная выгода, которую польские граждане могут извлечь из вступления в Евросоюз. Например, интеграция выгодна т.н. челнокам, т.е. мелким контрабандистам (...) Будучи гражданами государства-члена ЕС, они могут перевезти через границу в шесть раз больше таких товаров, как сигареты, алкогольные напитки, косметика. Владельцы бросовой земли заработают на ее облесении. По правилам Евросоюза, за каждый гектар засаженной лесом земли можно получить до 725 евро (...) Заработать можно даже на использованных картриджах для принтеров, тонерах и других электронных отбросах. Правила Евросоюза поощряют утилизацию использованных элементов". (Виолетта Красновская и Виктор Светлик, "Впрост", 16 мая)

• 15 лет назад активист "Солидарности" Гжегож Берецкий был близким сотрудником Леха Валенсы. Некоторое время тому назад Берецкий основал Кооперативную кредитно-сберегательную кассу (ККСК), которая приобретает новых клиентов в темпе, каким не может похвастаться ни один другой банк. С начала 2002 г. число членов ККСК удвоилось и в настоящее время превышает миллион человек. В два раза увеличилась также стоимость кредитов и депозитов. Количество отделений возросло с 680 до 1363. Таким образом по охвату территории ККСК опередила крупнейший из розничных банков - Польский банк "Всеобщая сберегательная касса", который располагает только 1240 отделениями. ККСК - это общественная организация, дающая в кредит деньги, вносимые членами в общий котел. Она не нацелена на прибыль и потому обеспечивает высокие проценты на сберегательные вклады (в два раза выше, чем в коммерческих банках) и самые низкие проценты по кредитам. (Эльжбета Глапак, "Ньюсуик-Польша", 30 мая)

• "Владельцы небольших магазинов, поначалу испугавшиеся экспансии крупных заграничных торговых сетей, меняют методы управления. Вместо того чтобы препираться, они начинают сотрудничать. Под боком у гигантов выросли семейные сети с эффективным управлением, дающие достойный отпор конкурентам". ("Политика", 15 мая)

• С начала года объем продаж польских промышленных предприятий увеличился на 19,6%, а в апреле - на 22%. Оживление охватило почти все отрасли экономики. Теперь ее тянет вперед не только экспорт, но и внутренний спрос - прежде всего инвестиционный. ("Жечпосполита", 21 мая)

• В I квартале ВВП вырос на 6,9%. По прогнозам аналитиков, рост за весь 2004 г. составит 5,4-6%. ("Жечпосполита", 11 июня)

• Витольд Гадомский: "Тот факт, что польская экономика развивается (...) означает, что она в значительной мере независима от безумств политиков. Однако я бы предпочел, чтобы мы не испытывали ее на прочность очередными безумствами". ("Газета wyborча", 21 мая)

• Согласно последнему распоряжению министра сельского хозяйства, "постройки, в которых содержатся животные, должны быть недоступны для всех других животных, кроме содержащихся в данном хозяйстве". Это предписание вынуждает разрушать гнезда ласточек, прилепленные к коровникам, свинарникам, конюшням и курятникам. ("Политика", 29 мая)

• Сатирик Станислав Тым: "Гнезда сбросят, приказ есть приказ, а уж как дальше жить ласточкам – это их личное дело. Что сделали ласточки некоему бедолаге, у которого есть печать с надписью "министр сельского хозяйства"? Может, одна из них насрала на него? Дорогая редакция, оставь этот глагол – только он подходит к такому распоряжению". ("Жечпосполита", 5–6 июня)

• "Еще несколько лет назад Висла напоминала сточную канаву (...) Сейчас воды Вислы в окрестностях Варшавы уже настолько чисты, что воеводская санэпидстанция впервые за последние 20 лет разрешила купаться в них. В поймах самой большой польской реки все чаще гнездятся редкие птицы (...) В последнее время в Висле обнаружили даже лососей, которые любят чрезвычайно чистую воду. Этим экологическим чудом мы обязаны экономическим трудностям страны. В результате закрытия множества заводов, шахт и металлургических комбинатов в Вислу перестали сливать отравленные сточные воды. Река начала естественным образом очищаться, и благодаря этому в воды и на берега Вислы вернулись прежние обитатели, которых здесь не видели в 70–80-е годы". (Пшемислав Миллер, "Ньюсуик-Польша", 13 июня)

• 15 лет назад, 4 июня 1989 г., в Польше состоялись выборы в Сейм (названные "контрактными"), приведшие к смене политической системы. По этому случаю ЦИОМ провел опрос, результаты которого мы приводим ниже. Самыми заслуженными поляками были признаны Лех Валенса (25%), Иоанн Павел II (19%) и Александр Квасневский (12%). Репутацией главных вредителей пользуются Лешек Миллер (17%), тот же Лех Валенса (13%) и Анджей Леппер (6%). Главными событиями опрошенные сочли вступление Польши в Евросоюз (44%), а также избрание президентами Леха Валенсы и Александра Квасневского (по 10%). Перемены, произошедшие после 1989 г., положительно оценили 58% опрошенных, а отрицательно – 35%. 40% считают, что у молодых поляков больше шансов на удачную жизнь, чем у их родителей; 53% придерживаются противоположного мнения. Когда опрошенным предложили оценить различные сферы общественной жизни по 10-балльной шкале, самую высокую оценку получили СМИ (6,74). Второе место заняла инициативность граждан (5,82), а третье – международная позиция Польши (5,08). ("Политика", 5 июня)

• "Gdansk Lech Walesa Airport" – так со вчерашнего дня называется аэропорт Тригорода [Гданьска, Гдыни и Сопота]. Сам Валенса признался, что был ошарашен и смущен. "Я

впервые в такой ситуации. Я даже думал, умереть мне сперва, или все-таки принять это предложение", – сказал он во время торжественной церемонии. ("Газета wyborcza", 11 мая)

- "Согласно опросам, народ любит Марека Бельку и хочет, чтобы он был премьером" Бельку поддерживает 61% опрошенных "Пентором" 8-10 мая. (Рафал Закшевский, "Газета wyborcza", 14 мая)

- В Сейме правительство Бельки поддержали только 188 депутатов – 262 были против. Большинство, необходимое для вотума доверия, составляло 226 голосов. ("Газета wyborcza", 15-16 мая)

- Премьер-министр Марек Белька: "Каждый государственный чиновник – участник эстафеты. Надо думать, что будет потом, а не только вставлять палки в колеса политическим противникам, которые придут к власти после нас". ("Впрост", 30 мая)

- Тадеуш Мазовецкий, первый премьер-министр Третьей Речи Посполитой (август 1989 – декабрь 1990): "Из-за того, как функционирует так называемый политический класс, общество начинает привыкать к низким стандартам поведения в общественной жизни. И в жизни вообще. Именно тот факт, что все с этим мирятся, особенно пагубен и просто драматически опасен. В то же время, если говорить о внешней безопасности и возможностях развития, то после вступления в НАТО и ЕС мы переживаем такой благоприятный период, какого еще не было в новейшей истории Польши. На протяжении этих 15 лет мы пережили нечто такое, о чем нельзя было даже мечтать: Польша свободна, и мы добились этого мирным путем. Это обеспечило успех перемен не только у нас, но и в других странах Центральной и Восточной Европы – и этим мы можем гордиться. Вместе с тем я ощущаю горечь неудач". ("Политика", 5 июня)

- Большинство депутатов (190 "за" при 142 "против") решило, что официальной позицией Сейма по делу о коррупционной афере Рывина будет отчет депутата Збигнева Зёбро (члена следственной комиссии от "Права и справедливости"). Это самый радикальный из отчетов, написанных членами комиссии. По мнению Зёбро, Рывин действовал не один. В группу, стоявшую за ним, входили премьер-министр Лешек Миллер, министры Александра Якубовская и Лех Никольский, а также директор Польского телевидения Роберт Квятковский и секретарь Всепольского совета по делам телевидения и радиовещания Влодзимеж Чажастый. Зёбро считает, что

президент Александр Квасневский и бывший премьер-министр Лешек Миллер должны отвечать перед Государственным трибуналом, а уголовную ответственность должен нести не только Лев Рывин, но и Якубовская, бывший начальник канцелярии премьера Марек Вагнер и начальник Агентства внутренней безопасности Анджей Барциковский. ("Жечпосполита", 29-30 мая)

- Вице-маршал Сейма Томаш Наленч (председатель следственной комиссии Сейма по делу Рывина): "Это была черная пятница. Политический крах СДЛС, провал его методов лавирования в политике, поражение всего парламента". ("Газета wyborcza", 31 мая)

- "То, чего не смогли добиться ни "Солидарность", ни Валенса, удалось сделать Миллеру (...) Он погубил самую влиятельную экс-коммунистическую партию Восточной Европы". (Януш Ролицкий, "Газета wyborcza", 1 июня)

- После "черной пятницы" в Сейме президент Александр Квасневский заявил на специальной пресс-конференции: "Мы переживаем исторический момент. Произошла очень опасная вещь: польские политики утратили государственный инстинкт". Квасневский назвал отчет Зёбро "крайне политизированным". По мнению президента, "в пятницу верх взял политический расчет, истина не имела никакого значения". "Я никоим образом не был замешан в так называемую аферу Рывина", - сказал Квасневский, считающий, что ближе всего к действительности "рациональный отчет" Томаша Наленча. Что касается СДЛС, то он совершил ошибку, пытаясь силой пропихнуть отчет Аниты Блоховяк (которая утверждает, что Рывин действовал по собственной инициативе, без политической "крыши"). ("Газета wyborcza", 1 июня)

- Директор Института истории социологической мысли при Варшавском университете Павел Спевак: "Политическая сцена построена по принципу жесткой конкуренции. Некому сыграть роль центра, вокруг которого могли бы объединиться главные партии. Не осталось и следа от идеи компромисса, нет воли к поиску соглашений (...) Ситуация нестабильна и непредвиденна - тем более, что на нашей политической сцене победил язык Леппера. Теперь все прибегают к демагогической риторике (...) Язык демагогии - это превращение общественной дискуссии в побоище, что лишает нас надежд на создание центра и поиск общих политических целей". ("Впрост", 30 мая)

- Из выступления Тадеуша Мазовецкого на конгрессе Международного института прессы: "Политикам все чаще не хватает смелости говорить о своих взглядах и убеждениях. Зато они говорят то, что повсеместно нравится и может получить широкую огласку в СМИ (...) Мы наблюдаем разложение принципов общественной жизни. Всё можно сказать, любого можно оскорбить – вот к чему приучают потребителей информации". ("Жечпосполита", 17 мая)
- Согласно опросу ЦИОМа, "Гражданскую платформу" поддерживают 28% поляков, "Самооборону" – 17, "Право и справедливость" – 12, "Лигу польских семей" – 9, "Польскую социал-демократию" – 8, СДЛС и ПСЛ – по 7 и "Унию труда" – 2%. ("Газета wyborcza", 25 мая)
- В подготовленном ЦИОМом рейтинге политиков на первом месте – по-прежнему Александр Квасневский, которому доверяет 71% опрошенных, а не доверяют 15%. На втором – президент (мэр) Варшавы Лех Качинский (49 и 19%), на третьем – маршал Сейма Юзеф Олекс (48 и 24%). Анджей Леппер занял 10-е место: ему доверяют 42% поляков, а не доверяет 41%. ("Газета wyborcza", 2 июня)
- Президент Александр Квасневский и министр обороны Ежи Шмайдзинский заявили, что Польша не сократит свой военный контингент в Ираке. ("Тыгодник повшехный", 23 мая)
- В течение года в Ираке погибло десять поляков – шестеро военнослужащих, два журналиста и два бывших солдата спецподразделения ГРОМ, работавших в американском охранном агентстве "Блэкуотер". ("Жечпосполита", 9-10 июня)
- "Ухудшающаяся ситуация в Ираке не дает нам возможности работать, поэтому мы приостановили деятельность миссии в Хилле", – заявила Янина Охойская, основатель "Польской гуманитарной акции". ПГА помогала иракцам на протяжении 10 месяцев. Организация построила новые школы, отремонтировала разрушенные, создала детские и спортивные площадки и организовала иракским детям выезд на каникулы – все это почти на 2 млн. долларов. ("Газета wyborcza", 11 мая)
- Согласно опросу ЦИОМа, 74% поляков высказываются против участия польских войск в стабилизационной миссии в Ираке. 23% поддерживают польское присутствие в этой стране. ("Жечпосполита", 22-23 мая)

- Живущий в Польше уже 13 лет имам познанской мусульманской общины Ахмед Аммар, по происхождению йеменец, был внесен в список лиц, представляющих угрозу безопасности страны, и выдворен из Польши. Выслушав аргументы начальника Агентства внутренней безопасности (АВБ), комиссия Сейма по делам спецслужб пришла к выводу, что депортация Аммара была оправданным шагом. ("Жечпосполита", 25, 26 мая)

- Скорее всего Аммар был одним из т.н. "спящих агентов", которые около 1990 г. были разосланы в разные страны Европы для создания исламистской сети. На след этой сети польские спецслужбы вышли в 1997 году (...) Около десяти лет Ахмед Аммар жил в Польше, никак себя не проявляя. АВБ заинтересовалась им, когда оказалось, что он – один из организаторов выездов польских мусульман в медресе и тренировочные лагеря на Ближнем Востоке. Кроме того Аммар помогал полякам, принимавшим ислам (...) За последние 10 лет число [польских] мусульман возросло с 5 до 25 тыс. человек – главным образом благодаря материальной поддержке, оказываемой новым приверженцам этой религии (...) Ахмед Аммар занялся также пропагандой воинствующего ислама среди польских татар. Когда [глава мусульман Польши Томаш] Миськевич вернулся из Саудовской Аравии, где он изучал Коран, его взгляды стали гораздо более радикальными". (Виолетта Красновская и Ярослав Якимчик, "Впрост", 6 июня)

- Муфтий Томаш Миськевич, председатель Мусульманского религиозного союза Польской Республики: "Я уверен, что мои разговоры уже давно прослушиваются. Соответствующие службы держат меня под контролем. Я это понимаю – такая уж у них работа. К тому же мне нечего скрывать". ("Ньюсуик-Польша", 30 мая)

- В Польше зарегистрированы четыре мусульманских общества и религиозных союза: Польское общество мусульманских студентов, Мусульманский религиозный союз Польской Республики, Мусульманская лига (объединяет иностранцев) и действующий с 1991 г. (зарегистрирован в 1999 г.) Союз польских мусульман, у которого больше всего заграничных контактов. ("Впрост", 6 июня)

- ""Мы начинаем опасаться, что за нами закрепится репутация людей, угрожающих безопасности государства. А ведь наши прадеды уже много поколений назад сражались за эту страну. Мы тоже чувствуем себя поляками", – говорят представители татарского населения, живущего главным образом в Подлесье и Гданьске. Все более явственно вырисовывается конфликт

между исповедующими ислам полонизированными татарами и мусульманами из арабских стран. Последних в Польше уже в четыре раза больше, чем первых". (Эльжбета Полудник, "Жечпосполита", 25 мая)

- Министр иностранных дел Влодзимеж Цимошевич: "Часто звучащий тезис, согласно которому эта война [в Ираке] нас не касается, – кардинальная ошибка. Было бы ужасно, если бы мы не сумели понять этого до того момента, когда терроризм настигнет нас на нашей земле (...) Мадридские события лишь подтверждают, насколько реальна эта угроза по обе стороны океана – в т.ч. и для Польши, граждане которой погибли в обоих терактах". ("Газета wyborча", 14 мая)

- На международных торжествах в честь 60-й годовщины высадки союзников в Нормандии президент Франции Жак Ширак наградил старшего по званию и старейшего из ныне здравствующих бойцов 1-й танковой дивизии Польских вооруженных сил на Западе, генерала Михала Гутовского (93 года) орденом Почетного Легиона. В высадке войск в Нормандии участвовало пять кораблей польского ВМФ (крейсер и четыре эсминца), двенадцать авиадивизионов (девять истребительных и три бомбардировочных), а в дальнейших наземных операциях – 1-я танковая дивизия генерала Станислава Мачека и 1-я отдельная парашютная бригада генерала Станислава Сосабовского. В том же 1944 г. 2-й корпус под командованием генерала Владислава Андерса сражался в Италии. На кладбищах Западной Европы покоятся 43 тысячи польских бойцов. ("Жечпосполита", 7 июня, "Впрост", 13 июня)

- Президент Александр Квасневский, послы Израиля, США и Германии, представители Американского еврейского комитета и семьи погибших евреев приняли участие в торжественном открытии музея "Место памяти" в Белжеце. На протяжении менее чем девяти месяцев 1942 г. нацисты истребили в Белжеце полмиллиона евреев, главным образом галицийских – из Люблина, Львова, Кракова, Перемышля, Жешува, Тернополя, Станислава. В августе 1942 г. в этом лагере ежедневно убивали по 15–20 тысяч человек. ("Жечпосполита", 4 июня)

- "Различия во взглядах, касающиеся систем ценностей и прав человека, не должны влиять на развитие польско-китайских отношений", – заявил президент Александр Квасневский во время визита в Варшаву председателя КНР Ху Дзиньтао. Щиты с надписью "Китайская оккупация уже стоила жизни пятой части тибетского народа", расставленные вдоль трассы следования Ху Дзиньтао Хельсинкским фондом прав человека и

организацией "Студенты за свободный Тибет", были закрашены. ("Жечпосполита" и "Газета wyborcza", 9-10 июня)

- Станислав Лем: "Рапалло [где в 1922 г. был подписан договор между Германией и советской Россией] остается символом и сигналом того, что, если у нас за спиной начинаются какие-то германо-российские соглашения, поляки вправе чувствовать подвох (...) Сейчас немецкое правительство ведет себя сдержанно, но, к сожалению, отростки и щупальца каракатицы вроде Эрики Штейнбах и Центра изгнанных заставляют задуматься. Что будет с внешней политикой России, сказать трудно". ("Тыгодник повсехный", 6 июня)

- Замминистра иностранных дел Даниэль Ротфельд: "После распада советской империи угроза с Востока исчезла, зато осталась угроза конфликтов на Востоке. Вступление Польши в Евросоюз лишило смысла извечную польскую дилемму страны, лежащей между Германией и Россией". ("Газета wyborcza", 24 мая)

- "1 июня Россия приостановила импорт мяса из многих стран Евросоюза (в т.ч. из Польши) и потребовала унификации европейских ветеринарных сертификатов, а также допуска российских инспекторов на мясокомбинаты в новых странах-членах ЕС. Однако Брюссель - теперь уже и от нашего имени - сказал "нет" (...) "Приятно чувствовать, что перед лицом блокады за нами стоит Евросоюз, в котором 450 млн. человек. Раньше в таких ситуациях мы были беспомощны", - прокомментировал это министр сельского хозяйства Войцех Олейничак". (Войцех Мазярский, "Ньюсуик-Польша", 3 июня)

- Первую конференцию Польско-российского форума организовали в Москве МГИМО и Польский институт международных проблем. По мнению одного из участников конференции, Андрея Кортунова, многие россияне боятся, что Евросоюз, принявший новые государства, которые традиционно опасались России, будет относиться к их стране более "скептически" и что ключевая роль в этом будет принадлежать Польше. На это Эугениуш Смоляр ответил: "Мы убежали [от России] в Евросоюз и НАТО, желая обеспечить себе безопасность", а нынешние отношения с Россией зависят в сущности от самой России, от того, будет ли она изменяться: "Если НАТО сблизилось с Россией, то, может быть, пришло время и России сблизиться с НАТО". (Павел Решка, "Жечпосполита", 31 мая)

- "Уже несколько дней подряд, невзирая на запреты, жеребец из Калининградской области во весь опор скачет в Польшу, т.е. в

Евросоюз. "Он воспылил страстью к польской кобыле из приграничной деревни Ягеле", – объясняет подполковник Францишек Яронский, пресс-секретарь Варминско-Мазурского отдела погранохраны (...) Влюбленного ловят арканом и препровождают на российскую сторону. "Однако конь отличается необыкновенным постоянством и все время возвращается. Причем уже через несколько часов", – говорит подполковник". (Иоанна Войцеховская, "Газета выборча", 15-16 мая)

- Замминистра культуры России Владимир Григорьев удостоился премии Фонда польской культуры "за популяризацию польской культуры в мире". Лауреат передал библиотеке краковского Ягеллонского университета копию "Октоиха" – первой в истории книги, напечатанной кириллицей. "Октоих" был напечатан в 1491 г. в Кракове. ("Газета выборча", 24 мая)

- Геоморфологи из Силезского университета принимают участие в международных исследованиях природной среды в долине Ангары. Проект предусматривает, в частности, исследование карстовых явлений и влияния на них человеческой деятельности. ("Жечпосполита", 14 мая)

- Премьер-министр Марек Белька обратился к правительствам стран Евросоюза с предложением пообещать Украине членство в ЕС. "Дипломатическое наступление, которое начала Польша в защиту европейских чаяний Украины, – одна из важнейших, а быть может, даже самая важная инициатива правительства, связанная с интеграцией". (Енджей Белецкий, "Жечпосполита", 25 мая)

- Александр Квасневский после встречи с Леонидом Кучмой на румынском курорте Мамай, где проходил съезд президентов 16 государств Центральной и Восточной Европы: "Я считаю, что в какой-то перспективе для Украины и Молдавии должно найтись место в Евросоюзе. Процесс объединения Европы нельзя произвольно сковывать географическими и административными границами". ("Жечпосполита", 28 мая)

- В варшавском Королевском замке прошли неформальные однодневные консультации министров обороны государств-членов НАТО и Украины. Подписано соглашение об использовании Североатлантическим союзом стратегического авиатранспорта Украины. ("Жечпосполита", 8 июня)

- Директор варшавской Национальной школы государственного управления Мария Гинтовт-Янкович стала почетным

доктором Украинской академии государственного управления. Оба учебных заведения связывает многолетнее сотрудничество. ("Газета wyborcza", 8 июня)

- Лех Валенса и прелат Генрик Янковский награждены "медалями справедливости" за борьбу с коммунизмом. Медали учреждены "великим князем Киева, Чернигова и Карачева" Михалом Карачевским-Волком, который лично вручил их в гданьской церкви св. Бригитты. ("Ньюсуик-Польша", 16 мая)

- По приглашению Сергея Бабурина в Россию прибыл Анджей Леппер. Согласно официальному коммюнике, "цель визита - обмен опытом, а также обсуждение развития межпартийных отношений и сотрудничества". ("Газета wyborcza", 19 мая)

- Анджей Леппер прочел лекцию в Российском государственном торгово-экономическом университете. По его оценке, реформы, начатые в Польше в 1989 г., привели к миллионной безработице, нищете, разбазариванию национального имущества и росту задолженности. В ответ бывший премьер-министр Сергей Степашин заметил: "Даже в Москве и Петербурге считается, что 5,5 тыс. рублей - это неплохая зарплата. В других европейских странах, в т.ч. и в недавно принятых в Евросоюз, такая сумма вызывает только улыбку". Степашин считает также, что в процессе преобразований Польше удалось создать средний класс, чего Россия не сумела сделать до сих пор. (Павел Решка, "Жечпосполита", 20 мая)

- Стефан Братковский: "Когда перед лицом иракского конфликта [бывший премьер-министр Лешек] Миллер решил встать на сторону США, переживших террористический авианалет 11 сентября, его поддержали все польские партии нашего Сейма. Против выступили партии, объединяющие политических агентов России: Леппер, открыто заигрывающий с ней, и "Лига польских семей". Изображая патриотов, они были против вступления [Польши] в НАТО и Евросоюз, против союза с США, против возможного перенесения [американских] баз [из Германии в Польшу]". ("Жечпосполита", 15-16 мая)

- Архиепископ Юзеф Жицинский: "Соревноваться в цинизме сегодня нелегко (...) растут полчища политиков, которые не стесняются самого постыдного флирта с очередными партиями. Они умеют красиво склонять слово "народ" и в то же время поддерживать группировки, защищающие российские интересы (...) Если же говорить о самом Леппере и его ссылках на Гитлера и Геббельса, то этот стиль презрения к правде, презрения к людям, мыслящим иначе, вызывает у меня серьезные опасения". ("Газета wyborcza", 15-16 мая)

- Анджей Леппер: "Такой политик, как я, должен заботиться о двух вещах: о тюрьмах и больницах. Рано или поздно он попадет в одно из этих мест". ("Впрост", 23 мая)

- В президентском рейтинге ЦИОМа Анджей Леппер получил 11,1% голосов, Юзеф Олекс - 10,4, Марек Боровский - 9,9, Лех Качинский - 7,2, Дональд Туск - 5,2, Влодзимеж Цимошевич - 4,6%. ("Жечпосполита", 18 мая)

- Депутат "Самообороны" Данута Хоярская приговорена к полутора годам лишения свободы и выплате банку 48 тыс. злотых за присвоение сельскохозяйственной техники. Приговор вступил в законную силу. Если бы Хоярская была депутатом местного совета или войтом [старостой] любой польской гмины, она лишилась бы всех должностей. Парламентарии составляют исключение - Хоярская неприкосновенна. Она сохранит место в Сейме, зарплату и все привилегии. Нужно принять закон, по которому за определенные умышленные преступления депутаты и сенаторы лишались бы мандатов. ("Жечпосполита", 28 мая)

- "85% поляков хотят, чтобы депутаты, в отношении которых вынесен вступивший в силу обвинительный приговор, лишались своих мандатов. Справедливость их желания обезоруживает. Можно только удивляться, что этого не требуют остальные 15% (...) Речь здесь идет о шокирующем парадоксе: люди, уличенные в презрении к закону, могут участвовать в процессе законотворчества. 86% поляков не доверяют Сейму", - пишет Богуслав Люфт, приводя данные опроса Лаборатории социальных исследований. "Если в Сейме заседают преступники, то как поляки могут верить, что создаваемые ими законы справедливы?" - вопрошает профессор Ежи Регульский. А профессор Петр Винчорек добавляет: "Нужно изменить закон так, чтобы парламентарии, в отношении которых вынесен вступивший в законную силу приговор, автоматически лишались мандатов". Если депутаты не сделают этого сами, то, как считает проф. Винчорек, необходимо прибегнуть к гражданской законодательной инициативе - в этом случае под проектом изменений должны подписаться 100 тыс. человек. ("Жечпосполита", 1 июня)

- Суд города Слубице приговорил бывшего сенатора Александра Гавроника к 8 годам лишения свободы. Сенатор обвинялся, в частности, в руководстве преступной группой и незаконном возврате НДС. ("Тыгодник повсехный", 23 мая)

- Бывший следователь органов госбезопасности в Замости 81-летний Мечислав В. приговорен районным судом Замости к 6

годам лишения свободы. Суд признал его виновным в том, что в 1946 г. он незаконно держал под стражей солдат Армии Крайовой и людей, подозревавшихся в помощи им, и подвергал их пыткам. Обосновывая приговор, судья Кшиштоф Трач подчеркнул, что доказательства вины сталинского следователя, собранные Институтом национальной памяти, полностью подтвердились. ("Жечпосполита", 11 июня)

- После нескольких лет ожидания вроцлавский студент Яцек Бомбка выиграл в Конституционном суде дело о возможности апеллировать в суд в случае несогласия с решением вузовской дисциплинарной комиссии (она сделала Бомбке выговор). Судьи постановили, что положение, ограничивающее конституционное право обращаться в суд, следует отменить. ("Жечпосполита", 11 мая)

- В крупнейших польских городах все меньше жителей. Демографы и социологи прогнозируют, что эта тенденция сохранится. Города будут пустеть. Между тем польское общество стареет. Уже через 15 лет поляков будет на миллион меньше. Зато растет внешний долг. (Михал Болтрык, "Пшеглэнд православный", май)

- Женщины гмины Пшикона слишком мало рожают. В 1999 г. в гмине родился 51 ребенок, а в 2003-м - уже только 36. Чтобы поощрить матерей, войт решил платить им за детей - начиная с января этого года по 600 злотых за каждого нового гражданина. ("Политика", 15 мая)

- В 70-е годы в Польше начала восстанавливаться популяция бобров. Сегодня она насчитывает около 20 тыс. особей. Половина из них живет в Подлесье. В силу того, что бобры наносят ущерб сельскому хозяйству, министр охраны окружающей среды выдал в 2003 г. разрешение на отстрел 600 животных. Однако охотникам так и не удалось подстрелить ни одного бобра. ("Жечпосполита", 28 мая)

- Число брошенных животных растет в устрашающем темпе. Это знак того, что приближается пора отпусков. "Если уж кто-нибудь хочет избавиться от животного, пусть подбросит его ветеринару, а не выбрасывает на помойку в закрытой коробке и не вывозит в лес", - призывает Моника Бет-Лютик. ("Жечпосполита", 24 мая)

- "Превосходные фиалки, обжаренные в сахаре. Отличная мелко порезанная настурция в ризотто или протертая с оливковым маслом в пикантных макаронах. Наконец, цветы акации или

черной бузины – несравненные в пироге с сахарной пудрой".
(Петр Адамчевский и Анджей Гарлицкий, "Политика", 15 мая)

РАБОТА НА ДЕМАГОГА

Политики, твердящие о катастрофе курса преобразований, могут предложить только одну программу: усилить уже и без того разбухшее государство. Исследования показывают, что в постсоциалистических странах вслед за приватизацией и притоком зарубежного капитала наступает ощутимое улучшение условий жизни. Однако в Польше, как следует из результатов социологических опросов, люди сейчас настроены отрицательней по отношению к приватизации и заграничному капиталу, чем это было в начале наших реформ. Ухудшился также (в их глазах) и образ Польши после 1989 г., зато относительно улучшился образ ПНР – обанкротившегося и развалившегося строя. Как объяснить этот разлад между объективным опытом и переменами в его общественном восприятии?

Счет прибылей и убытков

Разумеется, можно попытаться отделаться от этого вопроса привычным заклинанием об "издержках реформ". Действительно, они обнажили существовавшую до этого скрытую безработицу, а переход от социалистической экономики к рыночной привел к масштабной ломке сложившейся системы: представители относительно высоко оплачивавшихся профессий (например шахтеры) утратили свое привилегированное положение, а профессии, более необходимые в условиях рыночной экономики (бухгалтеры, компьютерщики, специалисты по торговле и финансам), выдвинулись на ведущие места. Поэтому те же шахтеры относятся к реформам без особого энтузиазма, хотя их положение без проведения рыночных преобразований было бы гораздо хуже (достаточно сравнить, например, условия жизни шахтеров в Польше и на Украине). Однако сами по себе эти издержки не могут полностью объяснить упомянутое расхождение между действительностью и ее восприятием. В самом деле, зададимся вопросом: а как же результаты реформ? Разница между реформами и их отсутствием наглядно иллюстрирует зияющая пропасть между теперешним положением в Польше и Белоруссии. Но в Польше несмотря на этот очевидный факт все отчетливее проявляется отрицательное отношение как раз к тем существенным факторам, благодаря которым она не стала Белоруссией. Чтобы

полнее объяснить этот феномен, нужно выйти за пределы распространенного аргумента об "издержках реформ" и обратиться к механизмам массовой информации (в том числе и дезинформации), оказывающим влияние на общественное сознание.

Красное и черное

Польское общество ранее никогда не имело возможности систематически ознакомиться в СМИ с фундаментальными пороками социализма: бедностью, отсталостью, отсутствием жизненных перспектив и т.п. А после падения этого строя (и в особенности после 1997 г.) СМИ неустанно твердили о пресловутых "издержках реформ", то есть о цене освобождения от социализма. Неудивительно, что со временем картина постсоциалистической реальности становилась все чернее, а образ ПНР розовел на глазах.

При социализме цензура и самоцензура не давали возможности разоблачать принципиальные пороки этого строя. После его падения, хотя запреты исчезли, польские СМИ тоже предпочитали не демонстрировать его подлинную природу. Частные СМИ (что вполне понятно) обратились к современным темам, тогда как государственное телевидение – потенциально самое мощное орудие массового просвещения – в значительной мере стало инструментом антирыночной пропаганды. Его ведущая общественно-политическая программа в своих репортажах занялась разоблачением новой действительности, а информационные и публицистические программы попали в сферу влияния вполне определенного (и не вполне рыночного) политического направления.

Социальная (без)ответственность

Таким образом, польское общество не получило из СМИ достаточной информации о том балласте, который оставил после себя социализм. А что оно слышало о постсоциалистической действительности от большинства политиков? То, что преобразования идут в неверном направлении, что они причина бедствий "простых людей", неоправданного обогащения, засилья иностранцев. Специалисты в области "социальной ответственности" осуждали это направление за недостаточность расходов на социальные нужды, националисты – за вторжение в страну зарубежного капитала, противники "круглого стола" – за "сговор элит" и т.д. Группы, объявлявшие друг друга политическими противниками, были (и остаются) едины в своем осуждении экономического либерализма и

"монетаризма". Эти термины использовались (и продолжают использоваться) как оскорбительные, а относились они к реформам, благодаря которым Польша не похожа на Белоруссию и без завершения которых у нас нет шансов догнать Запад. По сути дела упомянутые группы могут предложить только одну программу: усилить уже и без того разбухшее государство. Эти демагогические попытки перещеголять друг друга в своих обещаниях, которыми занимается большинство политиков, подготовили почву для особо агрессивных демагогов, перещеголять которых уже не удастся. Более мелкие демагоги обычно трудятся – не всегда это осознавая – на самого крупного. Это относится и ко многим "экспертам", твердящим в СМИ о катастрофе, бессмысленности или нечистоплотности преобразований.

Шансы демагогии возрастают и в результате противодействия либеральным реформам. Так, например, в 1998–2000 гг. были торпедированы либерализация трудового права, реформа подоходного налога с физических лиц и попытки оздоровления государственных финансов, что привело (в условиях демографического пика, то есть резкого увеличения доли молодежи в общем населении) к росту безработицы, а это в свою очередь – к массовым настроениям разочарования и отсутствия перспектив. Таким образом, демагогия питается своими собственными успехами в деле разрушения, хотя выгоду из этого обычно извлекают, как я уже говорил, самые агрессивные представители политиков этого типа.

СТИХИ

Я, ФЕДОР ДОСТОЕВСКИЙ

Я бунтую не против родины,

А против ее дураков.

Когда солнце заходит, пробираюсь по темным закоулкам.

Спина ожидает ножа.

Но лицо мое допросов не боится,

А сердце осталось бесстрастным.

Все то же непостоянство: пламя вспыхивает — и гаснет.

Встречусь с матерью, она скажет:

Ты разменял жизнь на дни, а ведь рожден был великой болью.

Кто меня, в позоре моем, удержит от ярости?

Каждое утро смываю с лица очередные горькие сутки.

Кровь подследственных запеклась на обтрепанных рукавах.

Не знаю, откуда на ладонях моих столько чужого плача.

О пробуждение, надежда на прекрасную песню, о утешитель-утро.

Солнце-палач стучится в окно.

На газете, которой прикрыто лицо, оно читает приговор: голод.

Не убивай меня, бормочу, я сдал кровь и хочу еще пожить.

Но палач входит, и я ему уступаю.

Бесправие во мне все больше побеждает право.
Плоти моей уже не дано вожделений.
Я не предчувствую, знаю:
Мой конец предначертан мочой и кровью.
Слышу голос девушки: почему он не защищался?
Это обо мне, вошедшем в нее и не искавшем пути
назад.
Тело мое омыли в придорожном рву.
Там кони утоляли жажду и целовались ноздрями.
Их ржание переживает меня.

СНОВИДКА ИЗ НОРВИДА

Косой народ уже ничего не знает не знает не
знает

— — — — —
—

Время скрученное в косу
Бьет Европу и Мир по лицу
В гневе они всё мелют и мелют одно и то же:
Господи Иисусе Дева Мария Господи Боже
Но приходит Ничто и ни единой капли
прохлады
Не долетает до сада
У косяка приоткрытой двери
Заря балагурит с бандитами
А речь Циприан — увы — это только речь
Посполитая туповатая избитая кое-как
сбитая

СНОВИДКА О ТРАВИЛУТЕ

если моя любовь — вдохновение маргариток, пусть
вдохновение маргариток усилит мою любовь,
если моя любовь — стыд осота, пусть млечный сок
осота насытит мою любовь,
если моя любовь — вздох солнца, пусть солнце
сильней согреет небо мое,
если моя любовь больше смерти, пусть смерть
осядет и потеснится,
если любовь моя — грех, пусть расступится кара
и грешникам просияет спасенье,
если любви моей нет, пусть небытие назовется
«люблю»,
если любовь умерла, пусть родится вновь,
если березка увяла, пусть поднимется,
пусть оживет березка,
пусть колени преклонит маргаритка, —
сказал Господь закрывая Луг

СНОВИДКА ДЛЯ АЙГИ, ЧУВАШСКАЯ

Уплакалась любовь моя

Бедаду бедаду

Жизнь дурацкая

Слезливая песенка кабацкая

Бедаду бедаду

Сколько детушек столько голода

Бедаду

Мокотинка моя

Натолинка моя

Геннадийка твоя

Бедаду бедаду

Да

ИЗ ДЕКАБРЬСКИХ ЗАМЕТОК

Ты жил надеждой и был одинок

Среди многих обманутых и голодных

Словно добро не могло говорить

Ясной для всех и желанной речью

А ведь ты хотел сказать так немного

Слезы вдов жалоба запуганной женщины

Ненавистная покорность свободе

Простые хрупкие привилегии обманутых

Но слово склонялось к сочувствию

Не хотело подчиняться взывало о защите

Плач самый страшный плач без слёз

Немой гордый и такой тихий

Что слышен был только глухой стук земли

Падающей на гробы погибших

Словно всем нам суждено было восстать

В выцветшем пламени памяти всем

Вместе в жестоком пространстве где кружат

Снег смерть и военные патрули

МУЗЫКА ДЛЯ АННЫ БОХМАН

давно очей ее не видели глаза мои

темными глазами снов улыбается полночь

анютины глазки очей крыло ее темноты

из дальней дали хлещет меня по лицу
глухое ухо неба с сережкой месяца
без месяца было бы ох как худо
давно очей ее не видели глаза мои
к сандалиям ласкался листок кизила
дикие ромашки тянулись к столу
и пили густые соки из рук его
а он молчал и кормил
беспредельную землю своей любви
в величии смирения своего
от которого осталась одна только
беззащитность
и смерть в его теле громкий
неслышный стон на рассвете
восторг от великой зари над лесами а потом
молчанье молчанье молчанье
в изменчивом ритме уходящего времени
давно очей ее не видели глаза мои
когда-то видели давно не видели
эти ресницы ромашки вербинки сочувствия
что склоняются первыми прежде чем дунет
ветер
давно не плакали о любви глаза мои

АПТЕКА

Где аптека на какой она улице
Сутулясь идет по городу молоденькая покойница
Стоит у меня за спиной и платочком гонит ветер из
глаз

Как они жалеют себя когда из порожних ртов
Высыпают теплый пух сострадания
Кто-то выпархивает с бременем надежды на плечах
Чужие болезни объединяются
И говорят незнакомыми голосами
Я прохожу мимо пустого сердца оно понемногу
Спрессовывает вместе две усталых жизни
Они проходят незримые тихонькие хрупкие
Где аптека на какой она улице
Если ты не бывал там ты должен войти
Постоять ощутить теплое дыхание юной покойницы
А если бывал — не задавай вопросов
Как эти два старичка что стоят
Опираясь на одну трость
Здесь нет никакой аптеки
Здесь нет даже улицы
Это место где можно только стоять
Минута в которую можно лишь умереть
Земля — чтоб ею засыпали
Память — чтобы помнить

ТРЕТЬИ СТИХИ

«Третьи стихи» — название книги Мариана Гжещака, посвященной вопросам поэтического театра. Согласно концепции автора, «первое стихотворение» — это сам замысел, проявление поэтической интуиции, «второе стихотворение» — осуществление замысла, а «третье стихотворение» — его прочтение, то есть конкретизация в сиюминутном, всякий раз ином понимании. Третье стихотворение создает тот, кто воспринимает произведение. Он «истинный» творец поэзии. Это касается в особенности театрального восприятия поэзии, при котором написанное должно быть переведено на специфический язык спектакля: «В вещество стиха вводится элемент игры, в процессе раскрытия все новых элементов текста эта игра развивается, дополняется, чтобы в конечном счете все замкнуть, суммировать в третьем стихотворении. (...) Готовый текст оказывается лишь побуждением к творческому действию, а иногда играет роль указателя в том лабиринте, каким является поэзия в своих автономных проявлениях».

Гжещак — один из тех поэтов, которые вновь и вновь пытаются вывести поэзию из замкнутого круга «литературности». С одной стороны, мы имеем дело со своего рода «снижением» литературы за счет общественной проблематики, с другой — со стремлением использовать язык, или даже только алфавит, как изобразительный и звуковой материал. Не случайно первую книгу Гжещака «Люмпенэзия» (1960) открывало стихотворение, идея которого стала тогда предметом бурных споров:

меняю четырех откормленных коней воображения

на любое из сочинений Маркса

и правильно написанную польскую букву ó

Демонстративный отказ от воображения во имя того, чтобы напомнить о житейских реалиях, был в атмосфере литературной жизни конца 1950-х явлением нередким. Требование социальной ангажированности литературы понималось всерьез — Гжещаку в его радикальной формуле удалось выразить литературную программу, в которой игра фантазии трактуется как своего рода «прекраснодушие», как

отход от вопросов о человеке и мире, наконец — как демонстрация безразличия к мировому злу. Кстати, уже само название книги — неологизм, объединяющий поэзию и название деклассированных людей, люмпенов; и это само по себе есть художественная программа. Нет ничего удивительного в том, что в стихах, которые публиковал тогда Гжещак, описаны городские трущобы, безнадежность будничной жизни. Тут, несомненно, был элемент провокации — как в стихотворении «Реквием для проститутки»: провокация имела целью обратить внимание на территорию нищеты, падения и унижения. В программе межвоенного авангарда, опыт которой использован в поэзии Гжещака, город — территория надежды и прогресса; здесь же — пространство деградации человека. То же и в прозе Гжещака, пример чего — его роман «Одиссея, Одиссея...»: действие происходит в 1956 г., накануне бунта рабочих в Познани, с которого началась польская политическая «оттепель» (книгу много лет не пропускала цензура).

Второй полюс творчества Мариана Гжещака обозначен художественным экспериментом цикла «Надсловесные стихи». Этот поэтический опыт вписывается в течение конкретной поэзии, именуемой также «визуальной» (это течение было в 60-е годы популярно на Западе, а также в Чехословакии, на что стоит обратить внимание, так как Гжещак с давних пор связан с чешской и словацкой литературой, в частности как переводчик). «В надсловесных стихах, — пишет Гжещак, — важно не само значение слова, но графическая компоновка его внешней формы. (...) Исток надсловесной поэзии, как представляется, — это недоверие к языку и, как следствие, желание преодолеть языковые барьеры, затрудняющие взаимопонимание между людьми. Приближение к изобразительному искусству и музыке, то есть искусствам, понятным вне словесного языка, должно вернуть поэзии силу и значение».

В финале опубликованной в 1980 г. поэмы «Квартал стихов» Гжещак определяет поэзию как «траву в союзе с розой». В его понимании поэзия — пространство встречи земного с возвышенным, место, где разговорная речь сливается в единое созвучие с высоким языком. Из таких программных установок выросли стихи книги «Человек поднимает тяжести» (1972): спортивные соревнования вырастают здесь в аллерию человеческой жизни:

*Одни мчатся вслепую,
другие бегут осторожно.*

Земля — на всех одна.

Напоминание о необходимости осознать общность человеческой судьбы кажется самым важным в этом творчестве, исходящем из предположения (конечно же, утопического) о том, что именно поэзия властна создать «общую речь», язык взаимопонимания между народами.

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Польша "вернулась" в Европу, что, разумеется, стимулирует воображение публицистов и эссеистов. Вступление в Евросоюз неизбежно меняет политическое и экономическое положение страны. Но в то же время встают вопросы о том, какую роль предстоит сыграть внутри ЕС новым странам, насколько они будут влиять на преобразование его структур, какие ценности внесут и какие им достанутся выгоды от участия в сообществе. Будет ли ограничен суверенитет отдельных стран? Будут ли экономически развитые страны произносить решающее слово в делах стран более бедных? Подобных вопросов в текущей публицистике появляется все больше.

В последнем номере вроцлавской "Одры" (2004, №5), который открывается – символически? – фрагментом перевода "Божественной комедии" Данте, заслуживающей внимания показалась мне статья Адама Хмелевского "Трудное возвращение в Европу":

"Однажды Махатму Ганди спросили, что он думает о западной цивилизации. "Это была бы неплохая идея", – ответил он. Трагедии XX века оправдывали осуждение Запада, содержащееся в ответе Ганди, который верно давал понять, что от отцовства этих трагедий не может отречься вся западная "цивилизация" – не только Германия, но и другие могущественные народы Европы. Несколько десятков лет спустя страны, ответственные за катастрофы XX века, сделали выводы из своей истории и стали источником надежды. 1989 год дал этой надежде шансы на осуществление (в значительной мере благодаря борьбе поляков за свободу – борьбе, проводившейся теми методами, которые в свое время предлагал Ганди). Европа получила возможность созидать новую западную цивилизацию, которая встретила бы поддержку Ганди. Речь идет о цивилизации, управляющейся законами, которые служат каждому, а не только самым сильным. Это надежда не для одной Европы, но и для всего мира".

Как мы видим, глобальная перспектива начинает господствовать. Это представляется неизбежным. В фильме Анджея Титкова "По подобию Яцека", показанном по

телевидению в день смерти Яцека Куроня, одна из ближайших его сотрудниц, Иоанна Щенская, сказала, что когда Яцек считал проблемы Польши, в общем, решенными, то "его начал волновать весь мир". И трудно не волноваться, когда взаимозависимость отдельных стран и регионов становится все более очевидной. Однако в то же время она заставляет по-новому формулировать вопросы международных отношений и само понятие политики. Хмелевский пишет:

"Тайна предшествующего, а также будущего (хотя в нем нельзя быть уверенным) успеха Европы – это попытка включить в реалии международной политики новое понимание политического единства. Единство, как и свобода, выступает в двух видах. Существует единство навязанное или вынужденное и единство, выработанное путем переговоров или в процессе аргументации, имеющей целью взаимопонимание: единство навязанной догмы и единство достигнутого в переговорах компромисса".

Понятно, что только второе решение создает условия для того, чтобы использовать шанс "новой западной цивилизации". Куронь подчеркивал, что он человек "позитивного компромисса", и думаю, что это понятие сегодня стоит выдвинуть на первый план: позитивный компромисс, по Куроню, – это такой компромисс, в котором нет стремления, чтобы одна из сторон что-то теряла, зато обе стороны что-то приобретают. Единство, достигаемое путем таких переговоров об условиях сосуществования и сотрудничества, дает всем участникам чувство участия в создании сообщества, стимулирует творческие, а не разрушительные силы. К этим разрушительным силам несомненно принадлежит национализм. Хмелевский это подчеркивает:

"Европа, на которой лежит вина за бедствия XX века, должна быть заинтересована в том, чтобы одержать верх над национальными амбициями, которые представляли и представляют для нее угрозу. Она стремится достичь этого "бегством вперед", к наднациональному и надгосударственному организму, который основан на принципах, вытекающих из второго понятия единства, и, в немалой степени уважая национальные амбиции, в то же время направляет их и преобразует антагонизмы, до сих пор бывшие разрушительными, в антагонизмы творческие".

Как считает автор, поляки этого не понимают и тем самым не способны сделать существенным вкладом в новый проект цивилизации тот выигрыш, каким был успех "круглого стола"

1989 года. Характеризуя позицию властей Польши на переговорах о вступлении в ЕС, Хмелевский пишет:

"Истоки бездарности правительства нужно искать не в слабости бывшего премьер-министра, который считался человеком сильным, а в интеллектуальной слабости концепции роли Польши в мире. (...) Польша сыграла серьезную роль в ослаблении Евросоюза, беспрекословно став на сторону Америки. Это решение официально было принято в заботе о польской национальной безопасности, которую ЕС, лишенный общей внешней и оборонительной политики, не в состоянии нам обеспечить".

Это, однако, не меняет того факта, что, как пишет Хмелевский, "польская внешняя политика допустила серьезные ошибки". Чтобы их исправить необходимо, по его мнению, выполнить следующие требования:

- "1. Безоговорочно и как можно скорее принять конституционный договор.
2. Решительно включиться в созидание европейской внешней и оборонительной политики.
3. Отменить хотя бы некоторые шаги, которые в результате крупных расходов на военные цели превращают Польшу в странную милитаризованную зону (...).
4. Направить хотя бы часть этих средств на осуществление политики нововведений".

И, наконец, задача, которую невозможно недооценить:

"Польша должна также включиться в европейский проект "более широкой Европы", т.е. в создание кольца правильно управляемых стран к востоку от ЕС. В этом вопросе Польша может сыграть ключевую роль по геополитическим причинам: расширение Евросоюза совершенно изменит его восточную границу, которая будет состоять главным образом из границы Польши с Белоруссией и Украиной. Речь идет о том, что Евросоюз намерен повысить свою безопасность не за счет дальнейшего сильного присутствия США в Европе, а, в частности, благодаря кольцу стран, управляемых в соответствии с конституционными ценностями, творящими новое, послевоенное европейское самосознание, – свободой, демократией, соблюдением закона".

Совершенно иначе разбирается со своей "европейскостью" Яцек Бохенский, писатель, крепко укорененный в традициях

античности, но не остающийся в стороне и от современных тем. В последнем номере краковской "Декады литерацкой" (2004, №2) он напечатал эссе "Может, и нету, но пусть будет. Ответ на вопрос: что значит быть европейским писателем". Он начинает с анахроничного вопроса: "Я, европейский писатель. Ладно, ну и что?" – и, рассмотрев взаимосвязь понятий "писатель" и "литератор", продолжает:

"Через минуту, в эссе, которое сейчас возникает, мне придется к существительному "писатель/writer" прибавить эпитет "европейский". European writer? Существует ли нечто такое? Мы знаем, сколько зависит в Польше от английских слов, которые мы так охотно принимаем и которые потом творят материальную действительность в соответствии со своей семантикой, всегда отличающейся от польской. Это тонкое различие, однако английский/европейский язык будет у нас творить бытие и определять нормы, тем более что он будет не столько английским/европейским языком (на этот счет у меня большие сомнения), сколько английским/всемирным, каковой он и есть уже. Выходит, не европейский писатель, а писатель в эпоху глобализации? Глобальный писатель? Да только в таком случае он уже не писатель! Он уже writer, занимающийся, вероятно, какой-то постлитературой. А мне важно, чтобы писатель в XXI веке оставался писателем, литература оставалась литературой, культура – культурой. (...)

Я писатель европейский, а если это не так, то хочу им быть. (...) Но, может, попросту польским. На этом вопросе надо остановиться. Один мой русский читатель, не западноевропейский, а русский, который значение слова писатель (по-русски в тексте. – Пер.) понимает наверняка лучше, чем я, сказал мне однажды, что нет смысла так мучиться над языком, как я наверняка мучусь. (...) ...зачем весь этот труд, спрашивал он, над мало кому известным языком, который сразу надо переводить на другие языки? Сегодня, в интегрирующемся мире новейших средств связи и информации, нужны предложения, легко поддающиеся переводу, без изысканных фигур, стилистических особенностей, затруднительных метафор, короткие, простые, по возможности не многозначные предложения. Только такие хорошо выходят в переводе. (...) Русский выразил точку зрения, в известной степени американскую. А я не гожусь в американские писатели/writer'ы польской национальности в Евросоюзе, что некоторым из нас может угрожать, а во всяком случае может некоторым причудиться. (...) Я, конечно, польский писатель, глубоко угнездившийся в польской речи, без которой не смог бы ни жить, ни сделать хоть шаг в

литературе. В то же время, если меня спрашивают, европейский ли я писатель, я не возражаю. Это, собственно говоря, просто. Нету никаких европейских писателей, которые не были бы писателями своих национальных литератур. (...)

Я пишу это в момент, когда Польша только что вступила в Евросоюз. Напоминаю о великой русской литературе на всякий случай, ибо политические акты временами мутят людям умы, но Евросоюз – это всего лишь союз, а Европа была и остается чем-то побольше. Красоту, богатство, подлинность Европы я вижу в многообразии языков, национальностей, культур, способностей. Да поймут меня правильно: к способностям я причислил бы также великолепную европейскую способность творить нечто такое, как ЕС. Россия этой способностью не обладает. Она часть Европы (культурной – наверняка) и в то же время не часть ее. Она не годится для ЕС, главным образом потому, что сама себя считает континентом, если не двумя".

После этого отступления Бохенский возвращается к главной нити своих рассуждений:

"Уже задолго до вступления Польши в Евросоюз я свободно путешествовал в том, что писал, не признавая границ между странами и даже историческими эпохами, в соответствии с принципом свободного распространения идей, личностей и услуг – хотя товаров, может быть, не совсем, но за товары я не отвечаю. (...) Почти во все книги, которые мне удалось написать, я неизбежно вклеивал какое-то путешествие, какую-то странствующую фигуру. То же самое и сны. Я их тоже вклеивал как бы помимо воли, незаметно для самого себя. И всякий раз в пустой след обещал себе, что этот раз – уже последний. Но без путешествий и снов я ни шагу. Это, наверное, свидетельствует о слабости сюжетного воображения. Вероятно, я вынужден его подштопывать туризмом и снами. Правда, только часть описанных странствий я совершил в действительности. Другую часть выдумал. Сны, как правило, выдумывал. Существует ли такой закон, по которому европейскому писателю не может без конца сниться родимая деревня, а должны иногда присниться Афины? И что там еще? Рим, аббатство Клуни, Эразм Роттердамский, аэропорт во Франкфурте-на-Майне? И тогда он – европейский?

С первых слов пишущегося здесь текста подозреваю, что понятие "европейский писатель" по существу пустое или по крайней мере расплывчатое, что в действительности ему не отвечает никакое конкретное означаемое, а мы просто стараемся доделать ему означаемые, постоянно другие, в другом умонастроении. Это напоминает мифическое

"европейское самосознание", о котором мы не знаем, что оно такое, но верим, что оно есть, ибо нуждаемся в нем, чтобы жить в Евросоюзе и вместе со всей спасенной Европой в современном мире. И не перестаем искать это самосознание как товар первой необходимости. Существует же и наивная концепция европейскости с точки зрения провинциала. С этой перспективы провинция, где живет он, провинциал, не может быть Европой. Европа – это что-то получше провинции, какая-то отдаленная, высшая сфера, более высокий район, более высокие пороги, недоступные кому попало, предмет восхищения и зависти, а значит, также неприязни и ненависти. Мы знаем эти взгляды и чувства по Польше. Между тем современная Европа обожает провинцию и хотела бы максимально провинциализироваться. Это не единственная любовь Европы, но есть и такая. (...)

Поиски самосознания европейского писателя. Думаю, что литература, литературная критика, эстетика сами по себе не требуют категории "европейский писатель" и могли бы обойтись без ответа на вопрос, что он такое. Мне нет нужды это знать, чтобы писать, а читателям – чтобы читать. А что, если вдруг перестанут читать? И если с ценностью литературных произведений начинает твориться что-то такое, как со штампованными словами в языке? Китч и шедевр меняются местами. Разница между поваренной книгой, "Божественной комедией" и биографией писателя исчезает. Нам говорят, что всё одинаково – главное, сколько чего можно продать. Мы слышим, что критика не располагает полномочными критериями ценности, что эстетики нет, ибо не существует прекрасного. Наконец мы узнаём, что все континенты равны, нечего Европе ни выделяться, ни сосредотачиваться на себе, это заслуживающий порицания европоцентризм. И так далее.

Может быть, и нет в природе мифического "европейского писателя", есть только требование нашей психики, чтобы такое существо было. Есть, однако, важные обстоятельства, сопутствующие этому требованию. Есть определенная историческая ситуация на рассвете нашей эры. Мы хотим на сравнительно небольшом полуострове, называемом Европой, сохранить некий оказавшийся под угрозой вид культурной флоры, которая здесь когда-то принялась. Слушаю? Нету никакой такой флоры? Может, и нету. Но пусть будет, ибо она нам нужна".

Как бы то ни было, а я лично всем рекомендую перечитать "Скифов" Александра Блока. Тем временем отметим, что

европейская конституция – при участии Польши – была принята.

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

- Познанская библиотека Рачинских празднует свое 175-летие. Библиотека, основанная графом Эдвардом Рачинским, задумывалась как общедоступная. Она стала предзнаменованием дальнейших начинаний, названных "органической работой" (нечто вроде русской "теории малых дел". - Ред.). Во время войны старинное здание сгорело, однако часть фондов удалось спасти. Сегодня библиотека Рачинских - один из самых оживленных польских культурных центров.
- Польско-египетская археологическая экспедиция обнаружила в Александрии прекрасно сохранившиеся следы античной академии. Это первая подобная находка в мире. "Многие исторические источники - например, декреты императоров - свидетельствуют о том, что в древние времена существовали высшие учебные заведения. Однако до сих пор никому не удавалось найти их материальные следы, - сказал руководитель раскопок Гжегож Майхерек. - Итак, между V и VII веками нашей эры в самом сердце Александрии была настоящая, хорошо организованная академия".
- Писатель и автор репортажей Рышард Капустинский получил австрийскую премию им. Бруно Крейски, присуждаемую с 1993 г. за книгу на политическую тему.
- В мае во Франции начался польский культурный сезон, получивший название "Nova Polska" ("Новая Польша"). В его рамках проходит множество мероприятий: театральные спектакли ("Дибук" в постановке Кшиштофа Варликовского, созданный с мыслью о фестивале в Авиньоне), концерты, на которых представлены в основном произведения выдающихся композиторов XX века во главе с Кшиштофом Пендерецким, выставки, а также популярные зрелищные мероприятия вроде польского пикника на ипподроме под Парижем. "В этом году наша программа намеренно эклектична, - говорит представитель французских организаторов Оливье Пуавр д'Арвор. - Она адресована разнообразной публике. Польский сезон - это повод сказать: "Мы слишком мало о вас знаем". Для вас же это повод осознать, чего вы хотите и что вы можете у нас сделать".

- В этом году почетным гостем завершившейся в Варшаве 49-й Международной книжной ярмарки была Россия. В прошлом номере мы писали о пребывании в Польше большой группы русских писателей. Российская экспозиция занимала треть выставочных помещений, а ее украшением был "Октоих" – первая печатная книга на церковнославянском языке, набранная в одной из краковских печатных мастерских в 1491 году. Ярмарку посетили 40 тыс. человек – на 10 тысяч больше, чем в прошлом году. К подписывающим свои книги писателям выстраивались длинные очереди. В ярмарке приняли участие 470 издательств из 27 стран. Были установлены многочисленные торговые контакты, прежде всего между Польшей и Россией. Кроме того по случаю ярмарки были присуждены премии за лучшее издание года (в нескольких категориях). Триумфатором стало издательство "слово/образ/территории", награжденное за "Шульцевский словарь" и книгу Марии Янион "Вампир. Символическая биография".

- В Варшаве открылась мемориальная доска на доме, в котором до войны размещался книжный магазин Якуба Мортковича. "Когда я вспоминаю книжную лавку на Мазовецкой, – говорит историк Мартин Куля, – я думаю о нынешней роли маленьких издательств. Часто их владельцы – друзья авторов. Только в таких условиях может развиваться писательство". Якуб Морткович занимался издательским искусством, книготорговлей, организовывал книжные базары. Он издавал писателей, уже снискавших признание, но умел и рисковать, печатал дешевые популярные издания, детские книги и альбомы по искусству.

- "Технократы предсказывают конец поэзии. Кибернетики говорят, что ее содержание – "шумы", то есть отсутствие информации. Кем будет поэт в надвигающуюся эпоху? Шаманом, обвешенным амулетами? Будителем древних мифов человечества? Или, может быть, шутом при дворе ученых?" – написал Збигнев Херберт в 1966 году. В 5-ю годовщину со дня смерти поэта Варшава почтила его память, проведя поэтический фестиваль его имени. "Херберта читали, слушали, выбирали, но в то же время и он сам выбирал своих слушателей, формировал стихами тех, к кому они были обращены, сбивал нас с толку (...) Он был ироничен и мудр; он скрывался, прятался за героями своих стихов, за многоликим господином Когито", – написал критик Яцек Лукасевич. Во время фестиваля с любителями поэзии встретились стихотворцы, которых связывали со Збигневом Хербертом узы дружбы: Адам Загаевский, Рышард Крыницкий, Юлия Хартвиг, Томас Венцлова. Публике представился случай посмотреть

спектакли, поставленные по мотивам стихов Херберта, и фильмы, которые успели снять о поэте. В рамках фестиваля был организован и книжный базар.

- "Отдаю эти записи своим братьям во епископстве и всему народу Божию. Да послужат они всем, кто желает познать величие епископского служения, связанные с ним тяготы, и радость, которая ежедневно сопутствует его несению" – так вводит читателя в свою новую книгу Папа Иоанн Павел II. Книга, озаглавленная "Встаньте, пойдем!" (слова Иисуса, обращенные к ученикам после молитвы в Гефсиманском саду. – Пер.), содержит воспоминания Папы, относящиеся к периоду, когда он был епископом, а затем и митрополитом Краковским – с сентября 1958 г. до конклава в октябре 1978-го. "В принципе, последняя книга Иоанна Павла II – это размышления о тайне веры. Сосредотачиваясь на общественно-политических проблемах, я несколько упрощаю ее, – написал на страницах "Газеты wyborczej" Роман Грачик. – Я позволяю себе это, будучи убежден, что в те времена тоталитарная сущность системы бросала серьезный вызов вере и в какой-то степени была испытанием ее прочности. В те времена это было неизбежно, о чем лучше всего свидетельствует история Кароля Войтылы, который начинал свое служение оторванным от земли ученым и поэтом, а завершил его решительным оппонентом системы". Впервые книга была представлена прессе и публике одновременно в Милане и Кракове. В Польше книга Папы сразу же попала в список бестселлеров года.

- В этом месяце в списке бестселлеров лидирует книга Иоанна Павла II, однако своих позиций не сдают Катажина Грохоля, Малгожата Мусерович (с новой книгой "Язык троллей") и, конечно же, Иоанна Хмелевская ("Кошачьи мешки"). Говорят, что сейчас она самый популярный и высокооплачиваемый польский писатель, а ее книги спасли от банкротства два издательства и одну типографию. Она опубликовала 50 романов, тираж которых достиг в Польше 5 млн. экземпляров. В мае Хмелевская отмечала 40-летие своей писательской карьеры (хотя по профессии она архитектор). Пользователи Интернета на своем форуме характеризуют ее последнюю книгу "Кошачьи мешки" словом "супер", а самую писательницу называют "гениальной".

- Павел Хюлле ("Вайзер Давидек", "Мерседес-Бенц") опубликовал новый роман "Касторп", перекликающийся с "Волшебной горой" Томаса Манна. Польский писатель описывает судьбу манновского героя еще до того, как тот отправился в Давос. "Итак, приезжает Ганс Касторп в Данциг, –

пишет в рецензии Дариуш Новацкий, – где с ним и вокруг него происходят поистине странные истории. И у всех у них есть безошибочно узнаваемые литературные источники (...)

Писательское начинание Хюлле носит явно терапевтический характер (...) Дух манновского романа должен стать лекарством от всякого зла. Дух или, может быть, манновская действительность, восстановленная Хюлле с величайшей тщательностью и мельчайшими подробностями? Думаю, что правильна моя вторая догадка". Сам же Хюлле комментирует свою книгу так: "Я не знаю ни одного выдающегося произведения европейской литературы, которое не было бы укоренено в традиции. (...) Меня как читателя не интересуют книги на один-два сезона, газетные сенсации. Я, как беглец из мира, описанного Шульцем, жажду Книги. Одна из таких книг – "Волшебная гора"".

- Альбом "ПНР. Реквизиты" с фотографиями Криса Нидентала и текстом Яцека Хуго-Бадера – это захватывающая летопись "народной Польши". Рышард Капустинский пишет об этом издании так: "Автор (...) хочет, чтобы те годы сохранились в нашей памяти живыми – такими, какими они были на самом деле (...) Он хочет создать живой и динамичный образ, показать историю, происходящую в данный момент (...) Официальная, режимная сторона действительности тех времен никогда не заслоняла Ниденталу человека – свидетеля и участника эпохи".

- Другие фотографии, показывающие Польшу (и мир), были представлены в "Захенте" на выставке "Эустахий Коссаковский – фотограф". Умерший два года назад Эустахий Коссаковский до отъезда из Польши был фоторепортером, работал в популярных журналах. Его прекрасными фотографиями восхищались прежде всего читатели иностранных изданий журнала "Польша". Приехав во Францию, он, как пишет комментатор "Пшекруя", "вписался в зарождавшееся тогда течение концептуальной фотографии, отрицающей иллюстрирование видимой действительности и реализующей собственные художественные предпосылки".

- Генрику Томашевскому, одному из известнейших представителей польской школы плаката, исполнилось 90 лет. "Томашевский живет в Варшаве, – пишет обозреватель "Газеты выборчей". – Он уже не проектирует плакаты, однако для многих польских художников до сих пор остается крупнейшим мастером. И не только для польских. Совсем недавно его ученики и друзья издали к дню его рождения книгу в Финляндии".

- В варшавской Галерее Стоклосы открылась выставка работ Францишека Маслющака. "Как известно, Маслющак смотрит на людей с симпатией, – пишет рецензент газеты "Жечпосполита". – Нищих, оборванцев и бомжей он изображает людьми яркими, исполненными достоинства и величия (...) Прекрасным дополнением к выставке стали поэтичные иллюстрации к произведениям Константы Ильдефонса Галчинского. Страна мягкости, спасенная от забвения".

- "На стенах была такая ужасающая мазня, что мы боялись ходить туда и смотреть на этих "чудищ"", – вспоминает житель Тарновца, где в одной из комнат местного имения были обнаружены великолепные фрески, вероятно, вышедшие из-под кисти Станислава Игнация Виткевича. Не только у книг бывают свои судьбы...

- Вскоре Польша подаст правительству России заявления на возвращение десяти картин и одного рисунка, находившихся до войны в Гданьске, Лодзи и Глогуве. Возвращение картин стало возможным благодаря российскому закону, принятому в 1997 году.

- Яцек Цесляк о Фестивале польской песни в Ополе: "В очередной раз телевидение "раскрутило" по крайней мере несколько новых хитов (...) таких, как "Прежняя девушка" группы "Пудельсы" или "Следующим будешь ты" Мартина Розынека – одного из самых талантливых певцов молодого поколения (...) Однако в этом году конкурс премьер запомнится прежде всего благодаря музыкальному откровению, каким стала группа "Sistars", исполнившая песню "Сутра". В течение одного вечера девушки из "Sistars" стали всепольскими звездами. Оказывается, вовсе не обязательно должна побеждать безвкусица, а поляки умеют оценить прекрасные голоса и музыкальность". Фестиваль завершился полным мягкой меланхолии концертом песен недавно умершего Еремия Пшиборы.

- О красноволосом певце Михале Вишневском, кумире поп-культуры, ставшем героем одной из популярнейших программ канала ТВН ("Я такой, какой есть"), пишет Мирослав Пенчак: "Для публики Вишневский – несомненно человек успеха, однако совсем не такой, как польская зажиточная элита. Его выручает биография: несчастливое детство (...) необходимость самостоятельно зарабатывать на жизнь и наконец шоу-бизнес, в самом центре которого он оказался как бы вопреки действующим там правилам. Вначале СМИ игнорировали его, однако вскоре он стал для них весьма привлекательным

товаром, а неприязнь критиков лишь укрепляла его многочисленных фанов во мнении, что их кумиру постоянно угрожает заговор чванливых умников (...) Основа его стратегии в контактах с СМИ – искренность, которую он сознательно и умышленно выставляет на всеобщее обозрение". Сегодня Михал Вишневский – один из самых популярных героев польских СМИ, хотя многие наблюдатели утверждают, что его звезда меркнет.

- Частный телеканал "Польсат" выиграл длившуюся несколько лет войну за разрешение на вещание эротического канала "Плейбой ТВ".

- Телекомпания Си-Эн-Эн сняла документальный фильм о Варшавском восстании, показанный во всем мире под названием "Варшавское восстание. Забытые солдаты II Мировой войны". На вопрос, легко ли было убедить начальство Си-Эн-Эн снять этот фильм и почему он создан только сейчас, режиссер Дэвид Энсор, бывший варшавский корреспондент Эй-Би-Си, а ныне журналист Си-Эн-Эн, ответил: "Убедить руководство станции было нелегко: речь шла о крупных затратах (...) Существует несколько причин. Западные историки всегда концентрировались на высадке союзников в Нормандии и победоносном марше на Берлин. Думаю, многие из них стыдились позиции Рузвельта и Черчилля, которые заключили тайный пакт со Сталиным, а затем смотрели сложа руки на резню 200 тысяч бойцов Армии Крайовой и гражданского населения. Из-за этого восстание не заняло подобающего места в истории, которое ему причитается, учитывая масштаб этого события и его влияние на дальнейшую историю этой части света". Фильм Си-Эн-Эн смонтирован из архивных материалов. Зрители могут услышать свидетельства участников восстания, а также мнения историков и политологов.

- В Кракове завершился Международный кинофестиваль документальных и короткометражных фильмов. Три из четырех главных премий международного конкурса достались англичанам: Андреа Арнольду за "Осу" ("Золотой дракон"), Вивьен Джонс за "Дом" и Витто Рокко за фильм "Прощай, жестокий мир". Четвертым лауреатом стал студент лодзинской киношколы Лешек Давид, награжденный за фильм "Бар на станции "Виктория"". "Дракона драконов" за творчество в целом Анджей Вайда вручил американцу Альберту Мейслсу. В польском конкурсе "Золотого лайконика" завоевал Петр Щепанский за фильм "Поколение С.К.О.Д." [С.К.О.Д. – Cool Kids of Death, польская панк-рок группа. – Пер.]. Главный покупатель

фильмов, участвующих в этом конкурсе, – телевидение, которое слишком часто навязывает конкурсантам свои правила игры.

- Кшиштоф Занусси приступил к съемкам нового фильма. Фильм, создающийся совместно с российской киностудией "ТРИТЕ", будет называться "Персона нон грата". По словам режиссера, это будет фильм "о разочаровании, которое переживает поколение "Солидарности", видя, как мало осталось от его чаяний и мечтаний, об утрате самого близкого человека, о жажде любви, которая могла бы преодолеть границы смерти, и, наконец, о непростых польско-русских отношениях".